Ровесник 3/69

В НОМЕРЕ:

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

РОВЕСНИК

МАРТ № 3(81) 1969 ГОДА
ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

ME[XICO] REBELDE!

Студенческие волнения в мексиканских провинциях начались с лета. В середине июля мы беседовали с обросшими участниками голодной забастовки Веракрусского университета, раскинувшими палаточный городок на площади у отеля «Эпорио». На открытие предолимпийских юношеских игр в Халапе иностранных гостей проводили под усиленным полицейским конвоем.

В Пуэбле дело было серьезнее: сорок человек укрепились с пулеметами на чердаке каменного трехэтажного дома и изрешетили несколько дюжин из тысячной толпы своих противников, окруживших здание и вооруженных палками, бутылками и камнями. И все же многим казалось, что причины кроются в частностях: веракруссцы требовали увеличения ассигнований на университет, в Халапе полицейские агенты избили нескольких студентов, Пуэбла стала свидетельницей ожесточенного соперничества студенческих группировок на выборах в совет университетской федерации.

Началось 26 июля. Поздно вечером в Софии к нам в комнату пришли друзья из мексиканской делегации на фестивале и попросили приемник.

— Передают, что в Мехико восстание, — сказал Ама.

Август и сентябрь принесли шквал самых неожиданных и противоречивых сообщений из Мексики. Восстания не было, но были стотысячные и двухсоттысячные демонстрации, была оккупация университета и атаки автоматчиков против студентов политехнического, была национальная забастовка учащихся и расстрелы на центральных площадях столицы. В Мексике, «оазисе политической стабильности» в Латинской Америке, как кое-кто любил ее называть, возникла угроза срыва Олимпийских игр.

Игры состоялись. Состоялась и запланированная организаторами Олимпиада молодежи. Утром 10 октября представители всех делегаций заполнили дощатые трибуны перед Президентским дворцом, наблюдая церемонию приема молодежью Мексики молодежи мира. На главной площади города — Сокало — в безукоризненных рядах стояли белоснежные гимнасты. Руки за спину, ноги врозь — каждые два человека образуют букву М — Мехико. Стоящий рядом мексиканец повернулся к нам и сказал:

— Они заменили всех участников молодежного парада. Студенты средних школ и университета отказались выступать. Здесь одни кадеты и слушатели военных академий.

Зазвонили все колокола столицы. На крышах заметались мальчишки, запуская в небо связки заготовленных воздушных шаров. На сегодня праздник закончился. Делегатов окружили солдаты из «олимпийского батальона» — серебряная голубка на рукаве гимнастерки — и проводили к автобусам.

Мексиканец Серхио С. — 25 лет, преподаватель средней школы, активист студенческих организаций, наш знакомый по июльским встречам — приподнял тяжелый шнур, защищавший трибуны с тыльной стороны, и показал рукой следовать за ним. Мы прошли по улице Архентина, мимо одной из стен Кафедраля, мимо серого здания министерства образования и свернули влево, в узкую Сан Иль дель Фонсо. Серхио шел молча. Цель нашей экскурсии была условлена заранее: мексиканские друзья хотели показать места, памятные по студенческим выступлениям в осенние месяцы.

Теперь мы оказались перед обшарпанным домом в «колониальном стиле». На каменных стенах бросались в глаза заплаты из масляной краски, которой были закрашены многочисленные листочки и плакаты. Единственной незакрашенной надписью было объявление, налепленное на фанерный лист, заменивший дому дверь: «Каникулы с 5 по 27 октября. Школа закрыта на ремонт».

— Здесь разыгралась третья сцена из нашей июльской трагедии. — Серхио оглянулся по сторонам — на нас никто не обращал внимания — и продолжал: — Место первой, в районе Каско, вы еще увидите. 23 июля там произошел ординарнейший случай: подрались ученики двух школ. Директор одной вызвал полицейских, чтобы унять драчунов. Неожиданно вместо нескольких полицейских в школу нагрянул целый отряд жандармерии — гренадеры. Гренадеры избивали всех попадавшихся под руку, вышвыривали в окна парты.

На следующий день ученики обеих школ решили организовать демонстрацию протеста. О Каско шумел весь город, и к ним присоединились товарищи из других районов. Я был среди

XICO

них. Мы получили разрешение на демонстрацию и 26 июля мирно двинулись к центру города. Но до Президентского дворца не дошли. На авениде Хуареса демонстрантов ждали полицейские кордоны с брандспойтами и слезоточивым газом. Какие-то типы в штатском — мы раньше их в глаза не видели — начали бить стекла в витринах, переворачивать автомобили. Говорят, для инспирирования «студенческих зверств» агенты даже ограбили ювелирный магазин.

Окровавленные, в изодранной одежде, наши ребята бросились в парк Аламеда, где по случайному совпадению группа других студентов проводила в тот же день митинг в память героев кубинской революции. Митинг в Аламеде обернулся митингом протеста против полицейских репрессий. Первый оратор не успел еще сойти с трибуны, как, бросая гранаты со слезоточивым газом и стреляя из автоматов, на студентов набросились гренадеры. Арестованных десятками увозили полицейские машины. Раненых мы постарались унести с собой. Тела убитых похитила полиция.

Такого в Мексике ни мы, ни наши отцы не переживали. Весь город стал похож на развороченный муравейник. Группы студентов с флагами и листовками носились по улицам. Полиция ловила их и избивала. Тогда школьники ушли с улиц и заняли классные помещения, забаррикадировавшись в них. Официально шел учебный год — каникулы планировались на октябрь, — но никаких занятий, понятно, не было. Полиция начала выкуривать ребят из школ.

Эта школа, — Серхио кивнул на здание, у которого мы расположились, — принадлежит университету. Подготовительная средняя № 1. 30 июля вечером к ней подъехали броневики, и студентам предложили убираться вон. Те отказались: кто из гордости, кто из страха выйти и попасть в лапы полиции. Тогда солдаты принесли базуку, установили вон там у тротуара и пустили снаряд в школьную дверь. Здесь была уникальная резная дверь, изготовленная триста лет назад, гордость нашей истории. Но бог с ней, с историей, новая-то вышла хуже. За дверью стояли кучей ребята. Они думали, что солдаты постараются ее высадить, и решили подпереть плечами, бедняги.

Пошли, — говорит Серхио, — машина за углом. Я хочу показать места, где развернулись дальнейшие события.

Разболтанный «меркурий» 52-го года — на одном из боковых стекол круглая дырочка, от нее бегут лучи-трещинки — несет нас через всю столицу. На юго-запад. В университетский городок.

В университете пусто. Вытоптанные газоны и не до конца содранные со стен листовки. Войска ушли, но студентов на дни Олимпийских игр полиция сюда не пустила. Двери опечатаны. Мы стоим у факультета политических наук, и Серхио продолжает рассказ:

— После обстрела первой подготовительной студенты и школьники всего города начали стягиваться к университету. На бурных митингах 31 июля родились те шесть требований, за которые мы боремся по сей день: освобождение всех политических заключенных в стране, в первую очередь наших арестованных товарищей; смещение трех старших чинов полиции, ответственных за насилия и убийства; роспуск карательного жандармского корпуса гренадеров; выплата компенсации пострадавшим от полицейских репрессий и семьям убитых; неукоснительное уважение автономии учебных заведений; изменение уголовного кодекса страны. Последнее требование предусматривает исключение двух статей, карающих за «антинациональную деятельность». Эти статьи неоднократно применялись для преследования демократов и левых в стране.

1 августа стотысячная «молчаливая» демонстрация во главе с ректором университета двинулась к Сокало. С флангов колонны охраняли шеренги самых сильных парней, чтобы помешать посторонним лицам проникнуть в ряды демонстрантов.

Правительство наших требований не удовлетворило. 12 августа началась национальная студенческая забастовка, к которой сразу присоединились многие из молодых преподавателей. В столице представители факультетских организаций сутками не вылезали из трамваев и автобусов, превратив их в трибуны. Пока один, забравшись на скамью, объяснял пассажирам студенческие требования, другие раздавали листовки, писали на окнах лозунги и рисовали карикатуры. Поймать эти летучие группы было трудно — им сочувствовал весь город.

«Политические бригады» университетцев и политехников разъехались по стране. Провинция поддержала немедленно, забастовав от Чиуауа до Мериды.

13 августа к Президентскому дворцу пришли 200 тысяч, не встретив на пути ни одного полицейского. Дворец был заперт. Жалюзи на окнах опущены.

Две недели прошли в митингах и ожидании. Правительство никаких действий против нас не предпринимало, но и арестованные из тюрем не вернулись. Поговаривали, что суды состоятся после Олимпиады. 27 августа снова пришли на Сокало, ждали пять часов. 90 тысяч самых стойких остались ночевать, соорудив палатки из знамен и плакатов. На огромном транспаранте тут же вывели: «Не уйдем, пока не победим!»

Ночью 4 тысячи парашютистов напали на спящих, подожгли палаточный городок, без стрельбы кололи штыками. Студенты отступили в прилегающие улицы, отбиваясь камнями. В узкой калье Архентина на толпу двинулись восемь броневиков с воющими сиренами и наведенными пулеметами. Ребята дрогнули, побежали. Трижды пытались строить баррикады из перевернутых машин — не хватало времени. Десантники догоняли бегущих, били штыками в спины. В домах засветили огонь. С балконов, с крыш в солдат полетели бутылки, утюги...

В начале сентября по стране бастовали 400 тысяч студентов и преподавателей. Аресты участились, многие активисты из студенческих организаций уходили в подполье.

13 сентября сто тысяч снова прокатились по Пасео — Большим бульварам Мехико. На тротуарах — аплодисменты, в окнах — флажки, вся улица пела национальный гимн. Ни в день демонстрации, ни три дня после арестов не было. Правительство призвало к национальному миру. 17-го числа назначалось возобновление занятий. Полиция арестованных не выпускала.

17 и 18 сентября в университете, политехническом, школах митинговали до хрипоты. Решили: бастовать! У выхода из школ многих ребят хватали молодчики из фашиствующих банд вроде МУРО — кожаные куртки, на рукаве желтый круг со свастикой. Выбивали глаза, зубы, ломали руки. Полиция не вмешивалась.

19 сентября на рассвете бронемашины с 10 тысячами солдат промчались к университету. Свет фар был виден первым обитателям верхних этажей олимпийской деревни. Городок захватили врасплох. Сопротивления не было. Арестованных студентов и профессоров, замкнув руки наручниками за спиной, кидали с размаху головой вперед в кузова грузовиков. 15 таких доверху наполненных машин ушло к тюремным приемникам. В тот же час по домам взяли 700 человек.

Серхио перевел дыхание, кинул за щеку жевательную пастилку — «чиклет».

— На этом университетская хроника заканчивается. Инициатива перешла к политехническому. Поехали в Каско де Санто Томас.

После красавца университета, гордости зодчих Латинской Америки, с парками, с бассейнами, с фресками Риверы и Сикейроса, задымленные стены старых зданий политехнического института в центре города кажутся мрачными и напоминают фабричные корпуса постройки прошлого века. Мы объехали кварталы факультетов и подготовительных школ — стекла напрочь выбиты, двери крест-накрест заколочены досками. Этот район считался неолимпийским — танки во дворах стояли открыто, без маскировки, солдаты в длиннополых зеленых шинелях, в касках сидели на газонах, привалясь спиной к стенам. На площади Сьюдадела — на нее выходила одна из школ — жандармы играли в карты на скамеечке под памятником Морелосу. Отец Нации и Освободитель был отлит из бронзы в виде исключения пешим, но с саблей в руке.

— Послушайте, — сказал Серхио, — теперь уже недолго. Днем 19 сентября они добрались до Каско. Здесь, на Сьюдадела, им навстречу вылили

бензин и подожгли. Этот прием мы недавно видели в американском боевике про наступление в Арденнах. Химики принесли уксус в четвертных бутылях — им смачивали платки и закрывали лицо от слезоточивого газа. Танкетки разворачивали башни дулом назад, с ходу били в ворота. Автоматчики осколочными гранатами забросали окна. Особенно отличились жандармы: ставили раненых на подоконники в верхних этажах, приказывали прыгать. Многие умерли прямо на мостовой.

В тот же день был занят новый район политехнического института на северной окраине города в Сакатенко.

Все последние дни сентября мы прожили на улицах. Школы у нас отняли, расходиться домой поодиночке мы боялись — ждали арестов. Многие каждый день собирались на Тлателолько, в районе новостроек, вокруг площади Трех Культур, где соседствуют развалины древней ацтекской пирамиды, испанский собор и небоскреб министерства иностранных дел.

Вечером 30-го было официально объявлено об отводе войск с территории университета. Оккупация Каско продолжалась, и в знак протеста забастовочный комитет созвал 2 октября митинг на площади Трех Культур в Тлателолько. Собралось нас тысяч десять. На четвертом этаже одного из жилых домов в лоджии стояли ораторы и члены комитета. Через час после начала прибежал кое-кто из ребят и сказал, что мы окружены войсками и что младшие офицеры ходят по квартирам, предлагают жителям эвакуироваться. Потом прилетел вертолет, покружился, с него пустили ракету. Солдаты и жандармы повели наступление с трех сторон. По собравшимся на площади стреляли с крыш из пулеметов. По стоявшим в лоджии выпустили несколько зарядов из базуки.

Спастись можно было только в узких проходах между домами. Кинулись, упавших затаптывали насмерть. Раненых и пленных гренадеры согнали в ров, окружающий пирамиду, и стреляли сверху. Оставшихся в живых из стоявших в лоджии заставили подняться на крышу, раздеться донага, пролежать плашмя до рассвета на цинковых листах под дулами автоматов. Арестовано было 4 тысячи человек, списки убитых составляются до сих пор.

Все, — сказал Серхио. — Через два дня на подпольном заседании забастовочного комитета было решено прекратить всякие действия на время Олимпийских игр. На национальную забастовку учащихся власти ответили своеобразным «локаутом» — «принудительными каникулами» на две недели.

Что произошло? Что поставило страну, еще недавно слывшую символом политической стабильности на бурлящем континенте Латинской Америки, на грань катастрофы всей ее общественной структуры?

В студенческом движении нашли свое отражение накапливавшиеся годами глубинные экономические и социальные противоречия. Мексиканская антифеодальная и антиимпериалистическая революция 1910—1917 годов закончилась провозглашением самой демократической конституции в западном полушарии. Под давлением масс национальная буржуазия, пришедшая к власти, была вынуждена частично осуществить национализацию иностранных предприятий и аграрную реформу, это, в свою очередь, создало базу для быстрого экономического развития страны. Однако незавершенность антифеодальных, антиимпериалистических мер и коррупция экономической и политической бюрократии привели к тому, что огромное большинство трудящегося населения, воспитанного официальной пропагандой в духе «верности заветам мексиканской революции», классового сотрудничества и исключительности мексиканского пути развития, оказалось обойденным при распределении плодов этой революции.

В то время как 0,3 процента экономически активного населения получает 54,9 процента национального дохода, заработки 84,6 процента этого населения не достигают уровня официально принятого прожиточного минимума.

Цепь важных объективных и субъективных причин привела к тому, что на 51-м году мексиканской революции на первой линии борьбы за подлинное развитие ее демократических и революционных традиций оказались именно широкие трудящиеся массы, чей демократический протест бурно выразился в студенческих и молодежных волнениях. Большинство современного мексиканского студенчества являются выходцами из семей мелкой буржуазии — служащих, учителей, небогатых торговцев (студентов из рабочих и крестьян очень мало). Экономическое положение этой группы немногим отличается от положения рабочих. Такая же конкуренция, такая же зависимость, плата порой даже хуже — у учителей, например. Студенты, особенно приехавшие из провинции, получают от родителей очень ограниченную помощь. А стипендий практически нет. Работу найти необычайно трудно. Жилье, одежда, учебники — все быстро поднимается в цене. Не удивительно, что отсев на различных факультетах Национального университета составляет от 20 до 80 процентов.

Только в этом году под давлением прогрессивной молодежи и всех демократических сил страны в парламент был внесен законопроект о предоставлении избирательных прав гражданам с 18 лет вместо 21 года. Эта законодательная инициатива встретила ожесточенное сопротивление крайне правой реакции в Мексике. До сих пор во многих университетах страны участие студентов в решении важнейших академических и организационных вопросов искусственно ограничивается и носит чисто формальный характер.

В Мексике, с ее быстрым индустриальным развитием и растущим спросом на квалифицированный, интеллектуальный труд, вопрос о положении студенчества все больше и больше становится вопросом о положении пролетаризируемых средних слоев. В этом разгадка тех широких симпатий, которыми пользовалось студенческое движение среди населения, той солидарности поколений, когда бастующие дети выражали глубоко затаенный протест отцов. Преследуемый студент без страха стучался в любую дверь. Раненых принимали и бесплатно лечили в госпиталях. Кружки сборщиков средств в пользу забастовщиков исправно наполнялись в любом городском квартале.

Практика политической борьбы оказала огромное влияние на идеологическое мужание мексиканского студенчества, всей молодежи страны. Окончательно упал авторитет правооппортунистических, соглашательских теорий, а «лидеры», проповедовавшие их, были с позором изгнаны из руководства студенческих организаций. Так бесславно закончила свой путь «Национальная федерация студентов-техников», чье руководство существовало на подачки правящих кругов.

Не прошли жизненной проверки и многие взгляды и действия некоторых ультрареволюционеров. Молодежь быстро раскусила провокаторов, засылаемых реакцией и ЦРУ в ряды студенческого движения.

30 июля на митинге студентов политехнического института был резко осужден «вандализм» тех экстремистских групп, которые призывали немедленно перейти к методам вооруженного террора. Истинное лицо некоторых руководителей этих групп открылось только в октябре. Бывший член Национального забастовочного комитета Сократес Кампос Лемус, неоднократно подвергавшийся критике за попытки организации террористических актов, будучи арестован, предал дело всего студенческого

движения, заявив, что Национальный забастовочный комитет якобы получал финансовую помощь и оружие от ряда видных политических деятелей Мексики, известных своими демократическими убеждениями. В своем обращении Национальный забастовочный комитет заклеймил действия Лемуса как провокационные и разоблачил его самого как «агента правой реакции».

Мексиканские коммунисты всецело поддержали борьбу прогрессивного студенчества за демократические преобразования в стране. По инициативе коммунистов в поддержку студентов выступили передовые отряды мексиканского рабочего класса. В конце августа забастовал крупнейший нефтеперегонный завод столицы, поставив под угрозу транспорт, торговлю и энергоснабжение города.

Студенты-комсомольцы немало сделали для того, чтобы придать молодежному движению ту стойкость, организованность и силу, которая противостояла любым попыткам использовать его в интересах политических авантюристов всех мастей.

Очевидно, что новая кровавая провокация в Тлателолько 2 октября была организована в расчете на политически незрелых студентов, чьи ответные стихийные, разрозненные выступления можно было бы использовать для разгрома всего движения. Однако студенты были уже не те, что несколько месяцев назад. Выдержка, трезвая оценка действительности — вот что становится характерным для сегодняшнего студенческого молодежного движения Мексики.

В ноябре забастовка продолжалась до 25-го числа. Правящим кругам пришлось пойти на уступки. Большинство арестованных студентов освободили. Автономия университета была восстановлена.

Мехико — Москва **А. ШЕСТОПАЛ**

ИНТЕЛЛЕКТ ПАРАГВАЯ

Проблемы, стоящие перед людьми искусства и литературы нашей страны, имеют глубокие корни. Проблемы, которые не решались и не могли разрешиться за сто лет жизни без политической и экономической независимости, включая последние тридцать лет военной диктатуры фашистского типа в стране полуколониальной и полуфеодальной.

Известно, что буржуазия презирает людей искусства. Только тогда, когда кто-то из них становится знаменитым, о, тогда другое дело: ему оказывают внимание, он в приятном окружении, его приглашают в салоны, чтобы восхищаться им и учиться у него, точно так же как раньше делали короли со своими шутами. Печально говорить это, но есть много интеллигентов, выполняющих эту недостойную роль. Но настоящий художник, артист, писатель сознателен и понимает свою роль в классовой борьбе, и его нельзя ни обмануть, ни купить.

Почти все великие поэты, писатели, музыканты, создавшие стоящее, нужное народу, вынуждены были покинуть Парагвай. Те, кто остался, заплатили за это страданиями. Большинство наших талантливых писателей, деятелей искусства несчастно бедны. Кроме того, они жертвы идеологического террора.

Некоторым удается опубликовать свои произведения с помощью различных учреждений или частных лиц. Но эти учреждения финансируются американским посольством и ЦРУ через Секретариат культуры посольства США или через какую-нибудь другую «культурную» организацию американцев, вроде центров социологии, антропологии и т. д. Нетрудно догадаться, какого рода творения выходят из этих учреждений, как искривляется замысел, губится чистота слова и сглаживаются, а то и начисто выхолащиваются поставленные в произведениях проблемы.

Частные же лица, возжелавшие внести вклад в дело публикации поэта или писателя, — это или представители национальной буржуазии, или высокие военачальники, так или иначе связанные с американцами.

Этим я не хочу сказать, что некоторые из них не заинтересованы в развитии нашей культуры и искусства. Нет. Но их взнос в труд нашей интеллигенции мизерно мал и не решает дела. Большинству писателей, художникам, артистам приходится полагаться на самих себя и самим отстаивать право художника на честное, объективное освещение действительности. И это не легкая борьба. Многие погибли, участвуя в ней. Среди них Мануэль Ортис Герреро, Ману — поэт, любимый народом за поэмы прозрачные, чистые, с силой социального заряда. Его стихи положены на музыку, написанную Хосе Асунсьоном Флоресом. Вместе они выразили суть национальной души: печаль угнетенного и силу борца против угнетения.

Чтобы представить себе нищету, терзавшую поэта, достаточно знать, что ночью он отправлялся на кладбище Асунсьона и воровал свечи, чтобы писать. Он жил и работал в полнейшей бедности, съедаемый проказой. Но жизнь все же отпустила ему счастье — товарища, необыкновенную женщину, супругу. Ее звали Далмасия, и они всегда были вместе...

Хулио Корреа — создатель национального театра гуарани. Он и поэт и актер. Его произведения до сих пор не опубликованы. Они несколько раз ставились любительскими труппами, пьесы переписывали от руки, на машинке или на гектографе. Его творчество революционно. В центре работ Корреа судьба парагвайского крестьянина и судьба земли. Это как раз то, что волнует всех. И вот тому пример.

Как-то одну из пьес показывали на улице, как всегда, бесплатно. Публика затаив дыхание следила за развитием простого и вместе с тем глубокого сюжета. Вот появляются солдаты. Сейчас они выгонят бедного крестьянина с клочка земли, который он с кровью и потом обрабатывал десятки лет. Солда-

(Окончание на стр. 9)

ДИВЕРСАНТ АКСЕЛЬ ШПРИНГЕР

Этого человека знают не только в Западной Германии. Легенды о нем ходят по всей Европе. Утверждают, что одну из таких легенд он сочинил сам. Был бедняком, а сейчас у него в сейфах миллионы — только умная, предприимчивая голова может достичь таких результатов. Он любит детей — неплохой папа. У него много личных врагов (у человека преуспевающего всегда имеются завистники), но он не злопамятен. Интеллектуалы — «этот образованный плебс» — ненавидят его, но это его лишь забавляет. Он стоит на углу западноберлинской улицы Кохштрассе возле своего 20-этажного небоскреба и молит бога помочь разрушить защитный антифашистский вал демократического Берлина — его волнует судьба Германии. Он призывает всех немцев быть милыми друг с другом— проявляет заботу о «маленьком человеке».

Так гласит легенда. Кто же на самом деле ее герой? Берлинское телевидение показало фильм «Я — Аксель Цезарь Шпрингер», раскрывший подлинное лицо короля западногерманской прессы.

Политическое ничтожество, вознесшееся на сей королевский трон, является идеальной подставной фигурой для дискредитированных фашистских денежных и промышленных магнатов. После войны власть у них была временно отобрана, но награбленный капитал остался. Нужно было снова срочно заняться промыванием мозгов разуверившихся бюргеров и попытаться воспитать новое послевоенное поколение молодежи в традиционном духе милитаризма, в духе реваншизма и антикоммунизма. А тут как раз и подвернулся под руку этот ловкий пройдоха из Гамбурга. Он женился на Роземари Лоренц, дочери обергруппенфюрера СС Лоренца, распорядителя всех денежных средств СС. Деньги сделали свое дело. Вскоре вся Западная Германия была наводнена газетами и журналами с фабрики лжи и клеветы Шпрингера.

Концентрация печатного дела в одних руках оказалась столь высокой, что она уже побила все существовавшие до сих пор рекорды. Шпрингеру могут позавидовать даже такие газетные киты мировой величины, как англичанин Сесиль Кинг и американец Херст. Каждая третья газета в ФРГ издается концерном Шпрингера, а по воскресеньям и праздникам девять из десяти продающихся газет тоже принадлежат ему. Ежедневно 11 миллионов немцев ФРГ и Западного Берлина читают его бульварную газетенку «Бильд-цейтунг». Шпрингеру принадлежат 11 издательств, одно бюро путешествий, он участвует в производстве бумаги, в торговле пластинками, лекарствами и во многих других «деловых операциях». Его годовой оборот достигает миллиарда марок, оставляя десять процентов чистой прибыли.

Высокое доверие сильных мира сего нужно оправдывать звонкой монетой. И Аксель Шпрингер с целой армией своих подручных старается вовсю, обрабатывая общественное мнение, готовя благодатную почву в умах бюргеров, в которую в любой момент можно было бы посеять необходимые идеи. Эта идеологическая диверсия, спрятанная в упаковке порнографии и проституции, слезливых мещанских историй и откровенного подстрекательства к «горячей войне», особенно опасна для молодых людей.

Такие журналы, как «Твен» (тираж 160 тысяч экземпляров), «Браво» (около миллиона экземпляров), «Дас нойе Блатт» (1,5 миллиона экземпляров), «Жасмин» (около миллиона экземпляров), «Эльтерн» (1,5 миллиона экземпляров), и другие издания, специально рассчитанные на молодежь, открыто проповедуют национализм, насилие, секс, идолопоклонство. Любимая газета шефа «Бильд-цейтунг» в авторецензии в 1965 году называла себя «провоцирующей газетой». Такова вся пресса Шпрингера, не исключая и «газеты только для истинных немцев» — «Ди Вельт». В этом легко убедиться, стоит только полистать подшивки некоторых его изданий.

«Бильд-цейтунг» сразу после вероломного нападения Израиля на ОАР: «Кто спас мир? Не дипломаты ООН. Не демонстранты на улицах. Не пацифисты, уклоняющиеся от военной службы. Мир спасло оружие. Мир спасли солдаты Израиля».

«Ди Вельт»: «Израильская кампания окончательно доказала, что политика с позиции силы уменьшает опасность войны... Сильная, боеспособная армия путем энергичного нападения может вывести противника из строя».

Боннские политики типа Штрауса довольно потирают руки. Пусть общественное мнение страны постепенно привыкнет к мысли, что политические проблемы нужно решать не мирным путем, а силой оружия, желательно атомного. Поэтому ФРГ усиленно выступает против Договора о нераспространении ядерного оружия. «Ди Вельт» тут как тут: «Представители Советского Союза в Женеве: «Сокрушим упорство немцев»... Боннское «нет» Договору о нераспространении ядерного оружия возникает из сердец тех немцев, которые еще помнят победы на восточном фронте».

Шпрингеровская пресса не замечает существования суверенной Германской Демократической Республики, называет ее просто «Средней Германией» или «советской зоной оккупации». В любой информации с «восточных земель, временно находящихся под оккупацией», сквозит чувство «великой обиды» за поражение во второй мировой войне. Читателю вдалбливается мысль: «Мы, немцы, нация великая. Мир должен снова почувствовать нашу силу. Каждый истинный немец обязан быть всегда готов выполнить свой национальный долг, то есть в любой момент напялить военный мундир и снова участвовать в «дранг нах Остен». Израильская агрессия подействовала на западногерманских милитаристов, как бальзам на кровоточащие раны. Июнь 1967 года показался им июнем 1941 года. Но они забыли, что потом наступил май 1945 года.

Милитаристская тема у Шпрингера тесно переплетается с антикоммунизмом. Сам себя он с гордостью величает «воинствующим антикоммунистом». Его издания науськивают читателей против тех демократов, которые считают антикоммунизм самым большим несчастьем нашей эпохи. «Ди Вельт» пишет: «Противники антикоммунизма никогда не колеблются взять под защиту красных против коричневых». В устах Шпрингера «красные» — самое бранное слово. В дни больших студенческих волнений «Бильд-цейтунг» заявляла: «Наши молодые красные стали уже такими красными, что видят только красное. Это опасно для разделенной страны, смертельно опасно. Немедленно остановить их!» Недаром после покушения на лидера западноберлинской студенческой оппозиции Руди Дучке студенты выбросили лозунг: «Бильд» стреляла вместе».

Ложь, клевета, всякого рода инсинуации, если речь заходит о социалистических странах, — обычное явление на страницах

шпрингеровской прессы. Особенно изощряется она в фальсификации событий в Чехословакии, придерживаясь рецепта фашиста Геббельса, который он неустанно повторял в своем министерстве пропаганды: «Лгите, лгите, всегда что-нибудь из этого останется».

Особое внимание Шпрингер обращает на идеологическую обработку молодежи и даже детей. Для 9—12-летних он издает специальные иллюстрированные книжонки в духе мещанской романтики, в которых рассказывается, как исполняются заветные желания стать фабрикантом, королевой, познакомиться с миллионером и тому подобное. В таких изданиях ни слова о большой политике. Зачем ребятам размышлять о реваншистских планах Бонна или о миролюбии ГДР? Повзрослев, они, чего доброго, встанут еще в ряды «красных». А уж этого Шпрингер никак не может позволить. Пусть лучше молодежь берет пример с Твигги.

Восхваление культа Твигги типично для шпрингеровских борзописцев, которые рьяно выступают против прав и достоинства женщин. «То, что нам приносит так называемая эмансипация женщин, ужасно, — пишет «Бильд-цейтунг». — Женщина, стремящаяся к равноправию с мужчиной, вызывает искреннее сожаление».

Что же предлагает Шпрингер молодым женщинам? Целиком пожертвовать себя семье и заниматься только любовными утехами. Ведь «идеал красоты» Твигги не знает, где находится Вьетнам и что там под американскими бомбами умирают дети. «Хиросима? А что это такое?» — наивно спрашивает Твигги. Она никогда не слышала об атомной бомбе, сброшенной в Японии американцами. «Жестокая эксплуатация и классовые противоречия в ФРГ? Такого быть не может!» — заявляет Твигги. На работе, в школе, дома, в гостях самое главное — модная одежда и косметика. «Длина юбки у девушки, — поучает Твигги, — куда важней, чем ее извилины в мозгу». Занятие таких Твигги ограничивается составлением гороскопов, поеданием синтетических конфет, косметикой и игрой «Человек, не утомляй себя». Подобный тип «женщин в целлофане» вполне устраивает Шпрингера, так как ими легче руководить. Презрение к женщине как к человеку «низшего сорта», ее унижение и использование в темных политических и коммерческих махинациях полностью отвечают его личным взглядам.

За двенадцать лет грязной работы Аксель Шпрингер достиг такого могущества, что его стали побаиваться власть имущие. В Бонне хорошо знают, что этот мастер идеологической диверсии, если захочет, может продвинуть любого политика на любой ответственный пост. Однажды главный редактор журнала «Шпигель» Рудольф Аугштейн на вопрос «Кто правит в ФРГ?» ответил: «Официально бундестаг и федеральное правительство, в действительности Аксель Шпрингер». Поэтому не случайно с ним ищут дружбы даже канцлер и президент страны. Полтора года назад бывший строитель гитлеровских концлагерей, а ныне президент ФРГ Генрих Любке собственноручно украсил грудь Шпрингера «Большим крестом со звездой за заслуги». Очень точную политическую характеристику Акселю Шпрингеру дает швейцарская газета «Цюрихер Вохе»: «Аксель Шпрингер продает «холодную войну», хорошо упакованную и во всех возможных видах. Он охотно продавал бы и «горячую войну». Характеризовать этого человека опасным было бы обидным для него. Это самый опасный человек Федеративной республики».

Демократическая общественность ФРГ и Западного Берлина, обеспокоенная разлагающим влиянием концерна Шпрингера, прежде всего на молодежь, требует: «Отберите печать у Шпрингера!» Этот лозунг с каждым днем собирает все новых и новых сторонников. Главного идеологического диверсанта ФРГ и его покровителей нужно вовремя разоблачить.

А. ФЕДОТОВ

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

МЫСЛИ ПРОСТЫЕ, КАК ПРАВДА

В период первой русской революции весь мир следил за событиями в России. Все чаще и чаще мелькало в газетах имя вождя русских большевиков Ульянова-Ленина. Примерно с этого времени социалистическая молодежь, организации которой возникли во многих странах, впервые услышала имя Владимира Ильича. Один из основателей молодежного движения в Германии, Людвиг Франк [1], выступая 3 декабря 1905 года на собрании в городе Мангейме, рассказывал юношам и девушкам о русской революции, о роли большевистской партии, о В. И. Ленине.

Конечно, в то время западноевропейская рабочая молодежь не имела возможности ознакомиться с платформой русских большевиков, с учением Ленина. Работы Владимира Ильича тогда еще не переводились и не издавались на иностранных языках.

Интерес к работам Ленина возрос после Штутгартского конгресса II Интернационала, состоявшегося в августе 1907 года. Это был первый Международный конгресс социалистов, в работе которого принимал участие Владимир Ильич. Обстановка в мире была напряженной. Империализм готовился к войне. Перед социал-демократами всех стран встала задача предотвратить кровавую бойню, а если она начнется, иметь гибкую и согласованную программу действий.

По вопросу антимилитаристской тактики среди социалистов не было единства. С одной стороны француз Эрве, который призывал «ответить» на начало войны объявлением всеобщей стачки, с другой — немец Фольмар, признававший только парламентские формы борьбы. Ленин внес ясность в этот спор. Он показал, что форма борьбы зависит не от предварительного решения революционеров, а от объективных условий. Методы и формы борьбы должны изменяться по мере обострения классовой борьбы и изменения политической ситуации. Поэтому В. И. Ленин вместе с Р. Люксембург внесли в проект резолюции Штутгартского конгресса о «Милитаризме и международных конфликтах» дополнения, которые имели принципиальное значение.

Одно из них гласит: «В случае, если война все же разразится, они (рабочий класс разных стран и его представители в парламентах. — **Ред.**) должны... стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства».

Другое дополнение относилось к молодежи. Ленин и Люксембург предложили всем партиям «действовать так, чтобы молодежь рабочего класса воспитывалась в духе социализма и в сознании братства народов».

Через органы печати, в беседах с делегатами конгресса члены социалистических союзов молодежи знакомились с материалами обсуждения насущных вопросов и предложениями Ленина.

Председатель ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт пишет в воспоминаниях: «Я впервые услышал о Ленине перед первой мировой войной, будучи молодым рабочим. Тогда в германской социал-демократии шла дискуссия о борьбе против милитаризма и империализма... В связи с этой дискуссией накануне первой мировой войны я и узнал о позиции Ленина на Штутгартском конгрессе II Интернационала».

Собравшись в Штутгарте на первую международную конференцию одновременно с конгрессом социалистов, представители пролетарской молодежи 13 стран во главе с Карлом Либкнехтом создали Интернационал молодежи. Конференция присоединилась к резолюции конгресса о милитаризме, отметив роль молодежи в антимилитаристской пропаганде.

Таким образом, Интернационал юных социалистов в момент создания солидаризировался с ленинскими положениями о борьбе против милитаризма и войны.

За долгие годы эмиграции Владимир Ильич, находясь в Германии, Польше, Франции, Швейцарии, не раз встречался с молодыми рабочими, студентами.

В предвоенные годы Владимир Ильич занимался разработкой национального вопроса. В разных городах Европы он выступал с докладами о программе большевистской партии по национальному вопросу. На этих рефератах, а также в личных беседах Ленин развивал идеи дружбы между пролетариатом разных стран. Немецкий коммунист, в 1912 году — член социал-демократического союза молодежи, Зепп Хан пишет в воспоминаниях: «Я обратил внимание на то, что, говоря об освобождении рабочего класса, Ленин имел в виду не только русский народ, но и все народы мира. Я задал вопрос, почему, являясь вождем русских рабочих, он не ограничивается проблемами революционной борьбы только в России. На это Ленин ответил просто и ясно, что научный социализм был создан Марксом для угнетенных всего мира, а не только для угнетенных одной нации. Мы, русские революционеры, сказал он, опираемся на учение Маркса, на пролетарский интернационализм. Борьба за освобождение угнетенных одной нации не может вестись оторванно от борьбы революционных партий других наций. Эту мысль я сразу же понял».

Из выступлений Ленина перед молодежью следует отметить доклад 21 марта 1914 года в студенческом обществе «Спуйня» в городе Кракове. «Ровесник» публиковал воспоминания одного из участников этой встречи. Имеются и другие воспоминания об этом докладе. Вот что рассказывает польский коммунист Францишек Ленчицкий: «Это был доклад, который открыл нам глаза на многие вопросы. В нем было так много нового, что на первый раз трудно было все уместить в голове. Особенно заинтересовала всех присутствующих постановка национального вопроса. Никто так до сих пор не выступал по национальному вопросу. Необходимость согласованной борьбы пролетариата всех национальностей! Право наций на самоопределение вплоть до образования национальных государств! Это было ново, смело, глубоко научно!»

Три вечера продолжалась дискуссия в «Спуйне». Прения были горячие, здесь выступали и единомышленники и ярые противники Ленина. Владимир Ильич решительно разоблачил антимарксистские, националистические воззрения некоторых ораторов.

Доклад и дискуссия в «Спуйне» имели большое значение для еще большего сплочения русского и польского рабочего движения в борьбе против царизма.

М. МУХАМЕДЖАНОВ,
кандидат исторических наук

---

[1] *В годы первой мировой войны Людвиг Франк стал социал-патриотом, добровольно участвовал в войне, был убит на фронте.*

Коммунисты Маленькой Москвы

Немногие, наверное, знают, что у нас в Болгарии есть своя Москва. Так назвали люди Пазарджикского края село Лесичево.

В тяжелые годы, когда иностранные интервенты терзали первое пролетарское государство — Страну Советов, партийная группа Лесичево организует кампанию в поддержку молодого Советского государства. Газетная хроника сохранила рассказ о сердечной братской дружбе между далеким болгарским селом и Страной Советов. Газета «Работнически вестник» за 1921 год сообщает, что 19 августа в селе состоялось собрание в поддержку голодающих Поволжья. Было собрано 1000 килограммов продуктов. Через двенадцать дней опять сообщение из села Лесичево: «организованы митинг и демонстрация в поддержку голодающих в Советской России».

9 апреля 1922 года над общиной появляется красное знамя первой лесичевской коммуны. «Тогда каждый крестьянин чувствовал себя бойцом Октябрьской революции», — вспоминает о тех днях старый коммунист Стоян Иванчев. Крестьяне в красных рубашках держат власть в селе Лесичево с 9 апреля до 27 сентября 1922 года. Но коммуна разогнана, назначены новые выборы. И снова в январе следующего года крестьяне организуют коммуну.

После сентября 1923 года почти три года действуют партизаны отряда Кискинова. Террор не может сломить лесичевцев. Но силы неравны, и многие покидают Болгарию. Москва становится для них второй родиной. Георгий Кратунчев, Методий Савов и другие лесичевцы рассказывают в письмах близким о Стране Советов, о новой жизни. Эти письма переходят из дома в дом, из рук в руки. Георгия Кратунчева любили в селе. А в партизанском отряде его любовно называли Гено. Тяжело раненный и схваченный полицией, он бежал из тюремной больницы. И вот его письма из Москвы, где он заканчивает Академию общественных наук.

Борьба продолжается.

Вместе с другими уцелевшими партизанами из отряда Кискинова Гено Кратунчев возвращается в Болгарию в 1941 году. И гибнет в неравной схватке с гитлеровцами.

Не так давно мне в руки попали полицейские документы времен второй мировой войны. В одном из них сообщается: «Димитр Мурджов из села Лесичево... был задержан полицейскими органами в связи с раскрытием марксистско-ленинских кружков, членом которых он состоял. За эту деятельность он был исключен из гимназии. Во время разговоров на политические темы он всегда защищал СССР».

Второй документ — секретное донесение полицейскому начальнику в Пазарджике от 4 декабря 1942 года: «Паун Савов, рожденный и живущий в селе Лесичево, в настоящее время работающий кассиром-делопроизводителем в кредитной кооперации «Сознание» в селе Лесичево, ... активный и очень опасный коммунистический организатор. Иван Докулянков, рожденный и живущий в селе Лесичево, дружит и беседует исключительно с коммунистами, подстрекает молодежь не верить в победу немецкой армии, а верить в победу большевизма!»

„Перед Вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет Вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для Вашей практической работы".

Ульянов (Ленин)

Свидетельство

Тов. Иванов Г. И. окончил курс Академии по отделению историческому (истпарт) факультета и квалифицирован как преподаватель истории ВКП(б) и ленинизма в СПШ, рабфаках и техникумах. Может быть использован в ... комвузах.

№ 78

В те дни сельский полицейский направил донесение в полицейское управление. В списке, против 126 фамилий крестьян села Лесичево стражник отметил: «активный и опасный коммунист».

Маленькая Москва жила и боролась. Вечерами слушала у радиоприемников голос близкой победы. Почти из каждого дома уходят в партизаны. Фашисты жгут дома ушедших бойцов. Триста лесичевцев отправляют в концентрационные лагеря и тюрьмы. Семьдесят пять партизан ушли в горы из Маленькой Москвы. В пятидесяти четырех семьях матери и сестры до сих пор носят черные платки!..

В Лесичеве с гордостью рассказывают о плодах дружбы между Москвой и Маленькой Москвой. Вот сейчас, например, более пяти тысяч гектаров орошается водами водохранилища «Тополница», в строительстве которого участвовали и советские специалисты.

В прошлом году коммунисты Лесичева вывесили в зале библиотеки лозунг: «Коммунист, пока жив, должен бороться за дело партии, за дело коммунизма!» Это не только слова, а закон, по которому живут пять с лишним десятилетий коммунисты края.

Г. ГЕОРГИЕВ-ДИМИТРОВ

с. Лесичево, Пазарджикский край

НАБАТ

Двухэтажная школа, белая, с тополями под крышу, окружена вишневыми садами. Сельский, почти тургеневский пейзаж, и деревенский, чистый воздух. Мне лирично, и не только потому, что вокруг нежные, гравюрные вишневые сады и старинные тополя. Лирично, потому что сейчас все кончится, и хотя войду только в музей, но это Бухенвальд.

Музей называется «Бухенвальдский набат».

Вхожу. И вижу Бухенвальд. Весь, сразу, целиком. Он уместился макетом на площади приблизительно метр на метр. На песочке коробочки бараков, коробочки побольше — вышки. С вышек стреляли из пулеметов при малейшей попытке, при намеке на движение около колючей проволоки, при легком подозрении, стреляли просто так, на звук, на шорох. И ни один узник никогда не видел этот концентрационный лагерь вот так, сверху, сразу весь.

На стенах флаги. Восемнадцать флагов восемнадцати государств. Люди из этих стран пережили Бухенвальд, жили в Бухенвальде, боролись в Бухенвальде. Не все, далеко не все выжили, но все боролись.

Я держу высохший, стоптанный детский башмачок. Его привезли из Бухенвальда. Он здесь под стеклом. Деревянные, кургузые башмаки под стеклом. Брюки в арестантскую полоску под стеклом. А по углам сравнительно небольшой комнаты, печально и обвисло, как большого размера костюм на очень худом, щуплом человеке, — одежда узников.

Было бы неестественно для человека, любого, даже мрачного по характеру, от природы, предположим, пессимистичного, приводить перечень вещей и созерцать их, утонув в тяжких думах о жертвах войны. Менее всего можно сказать это о детях, а ведь они своими руками собирали все это, развешивали по стенам, аккуратнейшим образом заключали в стеклянные ящички. Какой смысл имеют эти вещи для них? Только ли как мрачноватый акцент для памяти? Я почти не верю в это, потому что через стену слышу все те звуки, которые можно услышать только на школьной перемене.

Догадка правильна. Муки, пытки, смерть должны были быть побеждены. Даже если не всегда было так. Дети победили их знанием и подкрепили вещами, которые оказались здесь, в музее Бухенвальда, и образами людей-героев, о которых они узнали и чьи фотографии они вывесили на видных местах, и самое главное — образом борьбы, который в их сознании остался навечно победоносным.

Это типично для человека вообще, для ребенка в частности. Для него по желтому песку концентрационного лагеря гордо идет человек — Данилов Сергей Евлампиевич. Он в начищенных сапогах, все пуговицы пришиты, воротничок выстиран. Он аккуратен, вежлив, корректен. Он продолжает сражаться в плену, заставляя слабых невольно подражать себе. Его замучили. Он умер.

— Умер ваш красный генерал, — сказал немец.

Спустя много лет по песку Бухенвальда идет человек с гордо поднятой головой, в вычищенных сапогах, Данилов Сергей Евлампиевич, преломляясь в сознании многих-многих ребятишек, множась. Красный генерал не умер.

Мне показывают ведро. Да, ведро. Такие обычно на какие-то невидимые крючки подвешивают шоферы грузовых машин, чтобы при случае налить бензина. Ведро валялось на самом виду в одном из бараков, при входе. На него натыкались немцы и отшвыривали ногами. Ведро было не ведро, а радиостанция — приемо-передающее устройство подпольной организации концентрационного лагеря Бухенвальд.

Примеров героизма нет числа.

Но как все началось? С чего начался музей? И музей ли это только, то есть, вещи замеревшие в стационаре, немым и суровым языком рассказывающие о себе?

В московскую школу номер 752 приехали трое: Сахаров Николай Николаевич, Кирш Евгений Эмильевич и Кюнг Николай Федорович. Бывшие узники Бухенвальда. То, что они рассказали о себе, о товарищах, о подпольной организации, явилось толчком для создания музея. Музею шесть лет. Он воспитал — это не преувеличение — три поколения детей — первое поколение уже студенты второго курса институтов. И они помнят школу, помнят музей, детский стоптанный башмачок привезла из Бухенвальда одна из студенток. И уже тогда, сразу после встречи с бывшими узниками Бухенвальда, музей был создан. Хотя число экспонатов можно было пересчитать на пальцах одной руки. Его жизнь, деятельность — члены клубов пролетарской солидарности должны оценить это как руководство к действию — не в первую очередь заключалась в сборе вещей, одежды, реликвий, фотографий. Это пришло само собой. Основное направление музея — отыскать бывших узников Бухенвальда, связаться с ними, встретиться. И вот люди в знак благодарности за оказанное внимание дарили эти вещи, больше того, писали картины маслом и в карандаше; среди них оказались замечательные художники — картины интересные, могущие украсить профессиональный музей. Причем отыскивали бывших узников не только в нашей стране, но и в ГДР, Польше, Чехословакии, Румынии. Завязалась переписка. Она имела великий смысл, ибо каждое письмо выражало дело, было импульсом в работе клуба, несло серьезную информацию о людях, городах, странах. Это очень интересная и благодарная работа, если хотите, исследовательская и многогранная. Один человек, отысканный, к примеру, в Магадане, может явиться не только ядром какого угодно школьного музея, но окажется несравнимой благодарностью для самих ребят, которые узнают плод, может быть, длительного труда и наверняка через этого человека свяжутся с другими, узнают их трудные жизни.

Вместе с тем я вынужден был читать письма из разных мест страны, направленные в школу номер 752, в которых слезно и неслезно, красноречиво, утилитарно или сентиментально просилось, чтобы им-де переслали часть вещей, ибо они горят желанием создать у себя тоже музей и назвать его «Бухенвальдский набат». Скажем так: есть вещи, которые не пересылаются, — их берегут как зеницу ока, но, помимо неудачной моральной стороны дела, начисто извращается идея музея. Повторяю: экспонаты — это следствие работы музея, а не сама работа. Работа — это поиск, изучение, долгий труд, который не может не возблагодариться. Вместе с тем такой подход не исключает постоянного интереса, а осмысленность, правильное понимание поставленной за-

дачи не только даст пищу для ума, но и активизирует работу клубов интернациональной дружбы.

Ларисе Алексеевне Столяр, человеку, который внес первоначальный вклад в дело основания музея, энтузиасту и интересной женщине, я задавал несколько категоричные вопросы, представляя другие города страны, села, поселки, деревни и не всегда двухэтажные школы.

— Это в Москве. В столице есть Комитет ветеранов войны. Через него легко узнать о бывших узниках концентрационных лагерей...

— К услугам ребят самые обычные военкоматы. Они могут прийти туда, объяснить суть дела, и им пойдут, вне сомнения, навстречу.

— Много людей вы сумели отыскать?

— Более двухсот пятидесяти. Но о скольких еще неизвестно. Это непочатый край работы. Не говоря уже о том, что не обязательно повторять целиком идею «Бухенвальдского набата», а вести исследование в другой плоскости.

Музей школы номер 752 готов. По количеству экспонатов он, если так можно сказать применительно к вещам из Бухенвальда, богат. И как всегда случается, когда работа ведется с интересом, музей включил в себя экспонаты, не только непосредственно связанные с Бухенвальдом. Я уже говорил, каким замечательным жизнеутверждающим моментом звучит здесь тема героики. Она выражена биографиями мужественных людей, причем не закомпонованными за стеклами шкафов, а вполне доступными: садись, читай, знакомься. Музей не перестал быть активным, хотя и посолиднел альбомами, книгами на разных языках мира, рисунками детей из-за рубежа, новыми фотографиями. Он остался подвижным: выезжает в Артек, в Прибалтику, в Подмосковье. Он рассказывает о себе, а ему, в свою очередь, преподносят реликвии, подарки и свои судьбы другие люди.

Виктор ТУЗОВ

ЗАДАНИЕ КЛУБАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Ко дню рождения В. И. Ленина оформить помещения клубов пролетарской солидарности. Провести собрания, на которых рассказать о влиянии ленинских идей на современную молодежь мира. Организовать заочное путешествие по ленинским местам.

24 апреля планета отмечает День международной солидарности молодежи. В связи с этим провести конкурс на лучшее сочинение КПСМ. Тема его — «Мой зарубежный ровесник». Установить для этого конкурсное жюри в каждом клубе. Лучшее сочинение выслать в редакцию не позднее 10 мая 1969 года. Победители будут награждены призом журнала «Ровесник».

ИНТЕЛЛЕКТ ПАРАГВАЯ

(Окончание. Начало на стр. 3)

ты безжалостны... И тут зрители не выдержали: бросились на сцену и чуть не задали трепку несчастным актерам, играющим солдат.

Поставленные в пьесе проблемы волнуют людей. Это стоило автору тюрьмы и пыток. Больной, преследуемый, он умер в изгнании. Молодые драматурги сегодня, когда осмеливаются обращаться к проблемам народа, делают это шутливо, посмеиваясь, чтобы быть «сносными» для диктатуры. Хулио Корреа никогда не смеялся над человеком из народа. Он обличал хозяина, богатого, облеченного властью. Его юмор по отношению к бедняку приобретал оттенки нежности, уважения, глубокого гуманизма. И женщина в произведениях Хулио Корреа всегда благородная, самоотверженная, верная.

Есть в Парагвае Ассоциация писателей гуарани, более чем тысяча человек входит в нее. Много настоящих поэтов, очень много. Но когда руководство оказалось в руках представителей полиции, Ассоциация распалась и возник «Центр авторов и любознательных» — организация многочисленная, прогрессивная, тесно связанная с народом, особенно с крестьянами. Члены «Центра» сотрудничают в журналах, публикуемых и поддерживаемых взносами простых людей и меценатами. Журнал «Окара Потикуе ми» — самый старый из них и единственный в Парагвае, выдержавший издание в течение сорока лет. Благодаря ему научились читать и писать на языке гуарани тысячи крестьян.

«Центр» воспитал отличных поэтов, любимых народом, таких, как Эмильяно Фернандес. Он так и не смог издать книгу своих стихов, но его друзья положили на музыку многие его поэмы и под заголовком «То, что оставил Эмильяно» записывали на маленьких и дешевых пластинках. Они раскупаются моментально.

Не могу не упомянуть Хуана Майдана, гениального импровизатора, поэта, автора тысячи поэм. Он вечно беден, полураздет, голоден.

Нужно понять одну простую вещь: когда применяют террор по отношению к писателю, художнику, поэту, артисту, то это без закона, без суда и следствия. Если его заключают в тюрьму, то на долгие годы, и никаких адвокатов, ни друзей, ни товарищей он не увидит. Выход — бегство из страны.

Мы уже говорили о Хосе Асунсьоне Флоресе, связывая его с именем Мануэля Ортиса Герреро. Флорес — легенда нашего народа. Он не только создал «Гуаранию», но и поднял фольклорную музыку до вершин симфонической поэмы. Он был преследуем военными диктатурами, его заключали в тюрьму. Сейчас он живет в изгнании, и уже долгие годы. Правительство Стресснера захотело использовать его авторитет и предложило ему награду. Флорес отверг ее, объяснив, что не может принять из рук палача.

Такие деятели культуры, их воля, их искусство, их борьба создают уверенность, что откроются в Парагвае новые, светлые горизонты.

Кармен СОЛЕР,
парагвайская поэтесса

БУР С ЦИТ НИК

За «культурной революцией» в Китае потянулся хвост проблем. Эта трагедия принесла китайскому народу не только материальные лишения, но и унижения, посеяла замешательство и смятение. Сейчас «культурная революция» идет на убыль. Однако она далеко еще не закончилась. Поэтому трудно хотя бы примерно определить весь урон от нее делу социализма в Китае.

Но есть вещи очевидные и бесспорные. Можно, например, утверждать, что одна из ран, нанесенных народу произволом и беззакониями этой кампании, состоит в резком падении нравственного уровня определенной части молодежи. Никто точно не знает, сколько экспансивных и быстро поддающихся фанатизму китайских студентов, школьников, молодых рабочих и служащих оказались в бандах хунвэйбинов. Дело в том, что почти два года в учебных заведениях не было занятий. Сто с лишним миллионов школьников и студентов слонялись без дела по тесным улицам городов и деревень. В их скопищах растворились банды разномастных подонков. Хунвэйбиновские организации плодились как грибы после дождя. Никто на местах не имел права вмешиваться в их деятельность. Они подчинялись центральному штабу, так называемой группе по делам «культурной революции», в которой главную роль играла жена Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин.

В УНИФОРМЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАО

Хунвэйбины дезорганизовали жизнь в стране, создали обстановку физического и морального террора среди населения. По науськиванию сверху они врывались в квартиры партийных работников, служащих, рабочих, которые выступали с критикой авантюристического курса Мао Цзэ-дуна и его группы. В конце концов все сводилось к тому, что хунвэйбины растаскивали имущество, выселяли людей, учиняли допросы и самосуды.

На улицах стали типичными сцены, когда пожилые люди, на головы которых надеты шутовские колпаки, а на шее бирки, плакали, унижались перед толпами этих распоясавшихся юнцов. Дети и подростки начали шпионить за родителями и родственниками, доносить на них. Присутствовали при пытках членов семей.

С «культурной революцией» стали культивироваться необузданные страсти, агрессивность в отношении слабых и страх, трусливое заискивание перед сильными. Не зря китайские трудящиеся стали называть хунвэйбинов хуньтунями, существами, похожими на собаку и медведя. Если, говорит народное поверье, хуньтунь встретится с добродетельным человеком, то в дикой ярости набросится на него, а если столкнется со злым насильником, то, виляя хвостом, будет ластиться к злодею.

Изменился и внешний облик китайской молодежи. Нечесаные хунвэйбинки опустились, стали презирать парикмахерские и мыло, как бы воплощая в себе суровое пуританство, предписываемое цитатником. Они надевают куртки и штаны — униформу «великого полководца». Красивая и отутюженная одежда стала считаться символом «обуржуазивания» и «ревизионизма».

Внезапное устранение барьеров между полами и разрушение сдержанности между молодыми людьми привело к скандальным оргиям. Любовь хунвэйбины рассматривают как «буржуазный предрассудок». «Не следует писать о любви, вдаваться в личные чувства и семейные драмы», — призывают листки, издаваемые всякими «штабами». «Любовь и брак, — говорила известная предводительница хунвэйбиновских банд в Пекине Не Юань-цзы, — это одно из средств, с помощью которого буржуазия разлагает революционную молодежь. Таким путем она отвлекает нас от политики и толкает на путь узкосемейной жизни». Это не призыв к монашеству, а просто запрет иметь семью. Маоистская верхушка прекрасно понимает, что молодежные браки покончат с хунвэйбиновской вольницей. Поэтому и понадобилось такое дикое противопоставление семьи политике.

Широко распространилось стремление к бездельничанью, или, как пишет пекинская печать, к «анархизму», который выражается фразой: «Мы будем бродить повсюду, свободные и необузданные». А китайский премьер Чжоу Энь-лай сказал даже, что это «...не так уж плохо. Пренебрежение идеями председателя Мао Цзэ-дуна — вот что действительно плохо». Некоторые из хунвэйбинов всерьез считают себя избранными «знаменосцами революции» и ведут себя как императорские инспектора давних времен.

Сейчас, когда сладкая жизнь хунвэйбинов, видимо, подходит к концу, они особенно крепко держатся за привычки, приобретенные в ходе «культурной революции». Безделье и приспособленчество, сутяжничество и ханжество превратились в правила жизни, в моральные убеждения хунвэйбинов, чередующих насилие со слащавой хитростью и проповедями, почерпнутыми из цитатника.

ФИЛОСОФИЯ НЕДОРОСЛЕЙ

«Красным охранникам», впрочем, нечего беспокоиться — пекинских руководителей вполне устраивает их моральный облик. Маоцзэдуновская клика продуманно насаждает невежество. Как это делается? В газете «Гуанмин жибао» выступил некий Люй Цзян-си с критикой генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяо-пина за его давнишний призыв к молодежи хорошо учиться и овладевать научными знаниями. «Я на собственной шкуре почувствовал, — писал Люй, — что надо всеми силами опровергать реакционную ересь о необходимости «хорошо учиться», что «технические кадры должны обращать главное внимание на технику и другой вздор». Далее Люй пишет: «После окончания школы я ошибочно думал, что надо продол-

САКИ

АТ-

АМИ

жать учиться. Засел дома, стал читать книги и заниматься самообразованием. Это привело к тому, что чем больше я читал книг, тем дальше отдалялся от идей председателя Мао».

Люй Цзян-си, которого газета подает как «активиста изучения идей Мао Цзэ-дуна», совсем не оригинален. Он изложил мысли Линь Бяо — преемника «великого кормчего». «Книг очень много, — говорил Линь Бяо, — и всех их не перечесть. Притом они очень далеки от нас... Мы должны на 99 процентов изучать произведения Мао Цзэ-дуна».

Хунвэйбины жестоко карают тех, кто читает художественную литературу, «размягчающую волю и делающую дряблыми мысли». Сообщалось, что в Кантоне в университете «Чжуншань» были обнаружены два студента, один из них за семь недель взял в библиотеке 72 книги художественной литературы, а второй за пять недель — 44 книги. «Эти студенты, — сообщалось в газете «Наньфан жибао», — отвернулись от политической реальности, о которой постоянно говорит председатель Мао Цзэ-дун». Оба студента были отправлены на «перевоспитание» в горные деревни.

СВЯТЫЕ ПЕКИНСКОГО ПАНТЕОНА

Вся китайская молодежь и главным образом хунвэйбины должны учиться у «героев», жизнь и «подвиги» которых подаются пекинской пропагандой как эталоны. Приведем лишь один пример.

Взводу солдат под командованием Ли Вэнь-чжуна поручили сопровождать хунвэйбинов, направляющихся в деревни совершать «культурную революцию». При переправе через реку Ганьцзян хунвэйбины и солдаты столпились на одной стороне парома, и он перевернулся. Даже когда около ста человек оказались в реке, Ли не стал спасать их, а выкрикивал зазубренные цитаты из Мао Цзэ-дуна, чтобы «зовом великого вождя воодушевить застрельщиков революции».

Казалось бы, все ясно. Никакого тут героизма нет. Но Ли Вэнь-чжун чуть ли не со дна выкрикивал: «Да здравствует председатель Мао!» Это стало главным. Его сделали еще одним святым в пантеоне китайских «героев». Теперь расписывают, как жил до «подвига» этот человечек. Сообщается, что у него был альбом снимков Мао Цзэ-дуна, вырезанных из газет, журналов и календаря. «Они давали товарищу Ли Вэнь-чжуну неиссякаемые силы». Ли постоянно носил на шее портрет «великого полководца», вставленный в самодельную медную раму. «Он имел возможность видеть председателя Мао каждую минуту», — пишут китайские газеты.

Прославление таких «героев» имеет конкретные цели: воспитать молодое поколение китайцев беспрекословно преданным Мао Цзэ-дуну и его «идеям», чтобы оно «жило и умирало во имя председателя Мао». Пекинскому правящему ареопагу кое-чего здесь удалось добиться, повлиять на темных и политически невежественных людей. Об этом, во всяком случае, говорят факты, публикуемые в китайской печати.

Командир батальона Лю Тянь-гэ неосторожно обращался с гранатой, в результате был тяжело ранен и потерял сознание. Когда его несли в медпункт, то он, «будучи в бреду, попросил принести сборник высказываний Мао Цзэ-дуна». Через три дня Лю еще не узнавал посещавших его, но достаточно было показать портрет Мао Цзэ-дуна, как он «моментально веселел, обретал силу и начинал во весь голос кричать: «Да здравствует председатель Мао!» Когда Лю Тянь-гэ совершенно выздоровел, он на свои сбережения сделал «громадный макет сборника высказываний Мао Цзэ-дуна», который солдаты носили во время демонстраций на бамбуковых шестах.

Если история с командиром батальона напоминает рассказ о религиозном праведнике, то поведению служащего шанхайского госпиталя Цзо Цзяо-хуа позавидовал бы любой пещерный схимник. Цзо Цзяо-хуа будто бы не возмутился и не горевал, когда его жену, мать и двоих детей задавил шофер-цзаофань Ло Чэн-гуй. «Товарищи, не переживайте за меня, — говорил он. — Сейчас для меня самое важное не родные, а стратегический план председателя Мао». Цзо Цзяо-хуа приколол значок с изображением Мао Цзэ-дуна на грудь шофера, передал его семье цитатник своей покойной жены и пожелал успехов в изучении идей «великого кормчего».

ПЕНА И НАКИПЬ

Подобные факты можно брать из китайской печати во множестве. Они заставляют задуматься, что Мао Цзэ-дун и его приспешники используют живучесть традиционных для Китая специфических черт социальной психологии, основанной на тысячелетиями насаждавшемся в стране конфуцианстве. Правила древнего китайского философа Конфуция были непреложным законом, абсолютной догмой, которую не обсуждают, но которой следуют. Конфуцианство было господствующей идеологией в Китае долгие столетия, вплоть до свержения монархии богдыханов в 1911 году. Эта догматическая вера в полную непогрешимость верховного авторитета, схоластическое повторение апробированной мудрости широко распространяется ныне.

Трудно сказать, удастся ли маоистам таким путем сломить волю сотен миллионов китайских трудящихся. Во всяком случае, мы не вправе считать эту деятельность безрезультатной. Ведь террор и нищета могут до неузнаваемости изуродовать человеческую натуру. Легче увидеть ту грязную пену и накипь, которая покрыла ныне китайское общество. Наиболее изворотливые теперь прекрасно знают, что надо сказать и сделать, чтобы угодить маоистскому начальству. Уклончивые и неверные, они отгораживаются от народа и используют все возможности для создания своей «сладкой» жизни.

Ныне по Китаю уже не бродят шеренги хунвэйбинов, поющие о счастье, дарованном им Мао Цзэ-дуном. «Великий кормчий» изменил тактику. Часть «красных охранников» попала в привилегированную элиту, другую посадили за парты и, наконец, многих сослали в отдаленные деревни. Но хунвэйбиновская мораль осталась нетронутой. Правда, не всегда о ней пишут открыто. Ведь аморальная практика не требует аморальной теории для своего утверждения.

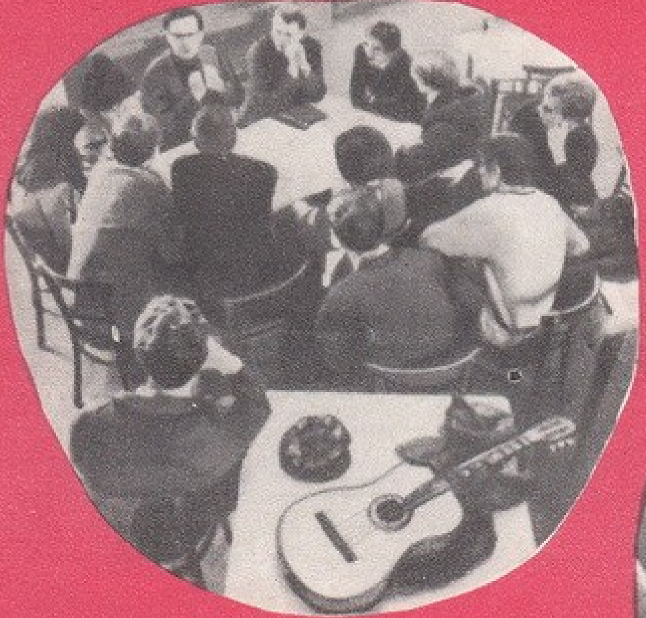
И. ГАВРИЛОВ

13×18

Берлинский «Октоберклуб» вырос из бывшего театрального, где школьники, студенты, молодые рабочие пели, ставили спектакли, читали стихи. Но больше пели.

Сейчас в ансамбле пятьдесят человек, двадцать пять из них — вокалисты и сочинители текстов.

Репертуар ансамбля — и песни протеста против войны во Вьетнаме, расовой дискриминации, социальной несправедливости, и русские «Яблочко», «Колокольчик», «Волга, Волга», и финские «Кукук», «Тимбалалайка», и песня боливийских партизан «Гуантанамера», и средневековые баллады, и, конечно, песни о любви.

Им нравится творчество Перри Фридмана и Пита Сигера. Но они не называют себя артистами. «Мы — молодежь, которая хочет петь и таким образом высказывать свои политические убеждения, мысли, мечты, планы», — говорит певец, виртуоз игры на гитаре и банджо, девятнадцатилетний студент Рейнхард Хайнеман.

В ансамбле выросли и свои таланты. Нора Лёр — исполнительница фольклорных песен. Студент-физик Вольфганг Штайн поет и играет на гитаре. Работница Регина Биркхольц — вокалистка. Ученик ремесленного училища Вольфганг Грегор — гитарист и композитор. Хайнц Гедихт — поэт.

«Октоберклуб» популярен в ГДР. Сейчас в Германской Демократической Республике почти нет города, где бы не было подобного клуба. Наиболее известный — «Заге Клуб 66» в Карл-Маркс-Штадте.

ЗДРАВСТВУЙ, ДЖУЛЬЕТТА!..

Газета „Унита" (ИТАЛИЯ)

Больше 30 писем и открыток со всех концов света, адресованных Джульетте Капулетти, продолжают поступать каждый месяц в итальянский город Верону. Часто люди, в основном молодые, не задумываются, что, если бы героиня Шекспира не была вымышленной, не погибла и жила бы до сих пор, ей было бы по крайней мере 500 лет.

Все письма пересылают Этторе Солимани, 70-летнему «секретарю Джульетты». Служитель церкви, в которой установлен памятник Джульетте, Этторе обещает опубликовать переписку отдельной книгой. За последние 25 лет он получил 10 тысяч писем и на все ответил.

Журнал „Коммент" (АНГЛИЯ)

Англичанка Дороти Нил основала общество «Кампания против обучения попугаев бранным выражениям». Общество насчитывает 220 членов и 180 попугаев.

Журнал „Уикенд" (АНГЛИ

В тот момент, ко
тельство дома за
в нем поселяются ду
дает вдова американск
нера Винчестера. Вот
бочие не уходят из е
время что-либо перед
достраивая. В доме
10 тысяч окон, 2 тыс
47 лестниц, которые
ведут, кроме того, 10
тов и шкафов, но нет
зеркала, ибо это «бес
бретение». Соседи пр
Винчестер «музеем ид

Газета „Нью-Йорк тай

Житель Нью-Йорка
ство «Гарантию своб
остолбеневшие гражд
дания, Джошуа не на
тить: «Вам понравит
так, как глазеют на

НЕ ХЛЕБО

Журнал „Коммент" (А

Так, наверное, реш
Соединенных Штато
отклонив законопрое
ставлении нуждающим
кам бесплатных горя
ков. По мнению пред
митета по образован
устройству Карла П
был «законопроект
важности». Суть его
в необходимости
100 миллионов долла
платные школьные
голодающих детей ш
сипи, Алабама и кру
Севера. Американские
рят сообщениями о т
в Детройте, Кливленд

(...я)

...гда строи-
...анчивается,
...и, утверж-
...ого миллио-
...почему ра-
... дома, все
...лывая или
... Винчестер
...чи дверей,
...никуда не
...ысяч буфе-
... ни одного
...овское изо-
...озвали дом
...отизма».

НОВОСТИ КИНО

Журнал „Филм" (ПОЛЬША)

Английское телевидение экранизировало роман Голсуорси «Сага о Форсайтах». Успешно завершены переговоры о покупке многосерийного фильма прокатными фирмами многих стран, в том числе Венгрии, Польши, СССР. Роль Ирэн исполняет талантливая и молодая актриса Найри Портер.

Журнал „Пари-матч" (ФРАНЦИЯ)

Жан Маре ставит пьесу Бернарда Шоу «Ученик дьявола» в Театре де Пари.

Перевод пьесы Шоу — последняя работа известного французского поэта и драматурга Жана Кокто. Именно Кокто был крестным отцом Жана Маре на сцене. В 1936 году Кокто предложил молодому, никому не известному статисту роль в своем спектакле «Рыцари круглого стола». Свою работу на сцене Театра де Пари Жан Маре посвящает учителю.

Газета „Таймс" (АНГЛИЯ)

Пятерым бандитам не дает покоя мысль о разделе награбленного. Они следят за каждым шагом друг друга. Грабители погибают при загадочных обстоятельствах. Все, кроме одного, — Джошуа, роль которого исполняет актер Кеннеди.

В конце фильма «Шарада» открывается, что Джошуа тайный агент. Новый вариант голливудского героя-супермена чем-то напоминает Джеймса Бонда. Та же ослепительная улыбка, то же ревностное служение миру частного предпринимательства: для рекламы Джошуа демонстрирует водонепроницаемость своего костюма. Талантливой актрисе Одри Хэпберн тесно в рамках тривиального сюжета, и зрителям вспоминаются лучшие фильмы с ее участием, «Римские каникулы», «Моя прекрасная леди».

Журнал „Эпока" (ИТАЛИЯ)

Хозяйка книжной лавки госпожа Кайса ежедневно отправляется на свой тайный промысел. Прячет пальто в станционной камере хранения, надевает лохмотья, усаживается в вестибюле стокгольмского метро и начинает попрошайничать. После своего разоблачения госпожа Кайса заявила: «В этом нет ничего постыдного. На торговле книгами у нас не очень-то заработаешь».

...с" (США)

... Джошуа Ламет создал обще-
...ды золотым рыбкам». Когда
...не спросили о целях его соз-
...ел ничего лучшего, как отве-
...я, если на вас будут глазеть
...олотых рыбок?»

Журнал „Доокола свята" (ПОЛЬША)

Премьер Канады Пьер Трудо завоевал популярность тем, что во время пресс-конференции сунул пальцы в рот и свистнул на журналистов. Это вдохновило журнал «Эсквайр» отвести целую страницу проблеме свиста.

...М ЕДИНЫМ...

...ГЛИЯ)

...л конгресс
... Америки,
...т о предо-
...ся школьни-
...них завтра-
...едателя Ко-
...ю и трудо-
...окинса, это
...езвычайной
...заключалась
... выделить
...ров на бес-
...втраки для
...атов Мисси-
...ных городов
...газеты пест-
...м, что дети
..., Цинцинна-
ти и Бирмингеме не имеют даже 35—40 центов на завтрак. Десятки тысяч школьников ходят голодные, и учителя жалуются, что на уроках дети не могут сосредоточиться из-за постоянного чувства голода.

Многие конгрессмены считают, что лучшим выходом из положения было бы предоставление этим детям горячего завтрака. Этим можно было бы подлечить детей, пухнущих от недоедания, больных рахитом и туберкулезом. Но в богатой Америке, где на специальный корм для собак тратятся миллионы, не нашлось средств, чтобы накормить детей.

Журнал „Реаледад" (ИСПАНИЯ)

Испания задыхается. На 32 миллиона населения страны — 43 410 священников, 23 862 монаха, 84 324 монашки и 1606 монастырей. Под патронатом католической церкви находится 1409 средних школ, которые посещают 364 713 учеников.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

В США женщины составляют всего 7 процентов общего количества врачей.

(«Тайм», США)

Во Франции всего 60 женщин-архитекторов, в Польше 50 процентов архитекторов — женщины.

(«Лектюр пур тус», Франция)

В Соединенных Штатах менее одного процента женщин получают равную с мужчинами оплату.

(«Лук», США)

В Италии женщины старше 35 лет практически не могут устроиться на работу. Один детский сад приходится на 5670 детей.

(«Морнинг стар», Англия)

Число студентов в Тунисском университете по сравнению с прошлым годом увеличилось на 14 процентов. Женщины теперь составляют 22 процента всех учащихся.

(«Юманите», Франция)

Из 1000 руководящих работников США, опрошенных сотрудниками Гарвардского университета, только 11 процентов ответили, что женщины в их организациях имеют равные права с мужчинами.

(«Тайм», США)

В Южной Корее на заводе транзисторных радиоприемников девушки-работницы со средним образованием получают менее 50 центов за 8-часовой рабочий день.

(«Морнинг стар», Англия)

Только 10 процентов женщин, преподающих в колледжах США, имеют высшую квалификацию.

(«Коммент», Англия)

Около половины работающих женщин Франции не могут поехать в отпуск из-за недостатка средств.

(«Нувель обсерватер», Франция)

Журнал „Пари-матч" (ФРАНЦИЯ)

В Токио 32 000 таксистов. Один из них, Масакасу Сато, прикрепил на спидометре фотографию семьи, край ее проходит на отметке 37 километров в час. «Как только стрелка заходит за фото, я сбавляю скорость!»

Газета „Морнинг стар" (АНГЛИЯ)

Лондонскую автомобилистку Маргарет Хадфильд на днях оштрафовали в 500-й раз. Маргарет — адвокат и специализируется по делам шоферов — нарушителей правил уличного движения.

Журнал „Уикенд" (АНГЛИЯ)

Шофер из Лондона Брюс Сэндхем еще не запатентовал свое изобретение, а последователей у него уже немало. Тепло автомобильного мотора позволяет ему готовить в пути даже жаркое.

ГРАНИТ НАУКИ

Одиннадцать месяцев тому назад, в мае 1968 года, Франция переживала события, равных которым по политическому резонансу не знала вся история существования V республики. В первых числах этого прекрасного весеннего месяца взбунтовалось молодое поколение страны — цвет и надежда нации, как высокопарно называют его некоторые буржуазные журналисты. Студенческие волнения почти одновременно охватили важнейшие университетские центры Франции: парижская Сорбонна, университет в Нантере, студенческий город Страсбург. Недовольство молодежи существующей системой образования и после мая время от времени выливалось в страстные митинги в аудиториях, в стычки с полицией.

ВЕЛИКИЕ ЗАБОТЫ ЮНЫХ

Что же послужило истинной причиной студенческих волнений и почему требования молодежи нашли такой горячий отклик в рабочих рядах? Профессор психологии Франсуа Брессон, выступивший в дискуссии по вопросам образования на страницах журнала «Нувель обсерватер», попытался дать ответ на этот вопрос. «Начиная с момента поступления в школу и до службы в армии, — писал он, — молодой человек всегда в убытке. Тот факт, что общество не способно предоставить ему работу, устраивающую обе стороны, объясняет открытую борьбу, как единственное средство выражения недовольства, на которое идут молодые люди в некоторые моменты их жизни».

Но, безусловно, истинную причину недовольства учащейся молодежи в капиталистических странах вскрыл член руководства Итальянской компартии Акиле Оккиетто, выступая на конференции коммунистического студенчества Италии. Он сказал: «Сначала возникает глубокое личное недовольство, которое быстро становится сознательным актом; тем самым открывается путь для требований обновить полностью школу и общество... Смысл борьбы против авторитарности университетского начальства, против догматизма преподавания и за право на образование заключается в том, что оспаривается не только схоластическая схема преподавания, но и та классовая система, которая ее породила».

Классовая система французского общества породила классовое образование, недоступное огромным массам детей трудящихся. Даже в среднюю школу, по официальной статистике, из 10 детей рабочих попадают один-два.

Здесь, очевидно, уместно сказать несколько слов о системе национального образования, существующей в почти неизменном виде с 1808 года, когда при Наполеоне было образовано государственное школьное ведомство. Ему подчинялись различные средние и высшие учебные заведения, программы которых не были скоординированы и где основой преподавания в зависимости от будущей специальности были латынь, греческий язык и математика.

Французское правительство, понимая несоответствие подобного обучения современным требованиям, под давлением народных масс несколько раз предпринимало шаги, ведущие к модернизации образования. Например, в марте 1955 года и в ноябре 1959 года в парламенте дебатировался проект реформы высшего и среднего образования, предложенный группой ФКП.

6 января 1959 года правительство де Голля, минуя парламент, предложило реформу образования с целью «демократизации школы». Она проводилась по этапам с 1959 по 1963 год. Но эти полумеры не изменили сути дела. Газета «Юманите» пишет в редакционной статье, что правительству не удалось выполнить обещание к 1967 году обеспечить обучение всех юношей и девушек до 16 лет с тем, чтобы в будущем поднять этот предел до 18 лет. В настоящее время треть подростков бросает школу в 14 лет, не имея никакого профессионального образования, и в 16 лет половина молодежи вступает в активную жизнь без каких бы то ни было профессиональных навыков. Хотя число юношей и девушек из средних слоев общества, поступающих в университет, увеличилось, все-таки в настоящее время дети рабочих и крестьян составляют 12 процентов студенческой массы. Если бы они были представлены в университетах так же, как дети имущих классов, то число студентов во Франции увеличилось бы от 450 тысяч до 2 миллионов.

В настоящее время образование во Франции состоит из шести этапов.

Французы начинают учиться с 6 лет в так называемых «материнских школах» и классах для малышей. Следующая ступень — начальные школы. После их окончания можно поступить или в общеобразовательные, коллежи (неполное среднее образование), или в лицеи (полную среднюю школу). Кроме общеобразовательных, есть коллежи технического обучения и лицеи с технической ориентацией. Последняя ступень — высшие учебные заведения.

Не говоря уже о материальных затруднениях (так как не всякий парень или девушка из рабочей семьи может позволить себе роскошь учиться до 24—25 лет), основное затруднение при поступлении в высшую школу — архаичность среднего образования. Коллежи отличаются от лицеев тем, что их диплом не дает права поступить в университет. Поступить же в старшие классы лицея из коллежа можно при условии, если есть свободные места. В 1966 году, например, из 22 тысяч учеников коллежей в старшие классы лицеев было принято 12 тысяч. При этом нельзя забывать и разницу в программах обучения.

Реформа образования 1959 года предусматривала «ориентацию» учащихся в старших классах средней школы. Уже с первых лет в шестых и пятых классах лицея существуют две программы: классическая, основа которой латынь, и современная, с бо́льшим количеством часов, отведенных на изучение французского и одного из современных иностранных языков.

В четвертом и третьем классах классическое отделение делится еще на два цикла: «А» — с добавлением греческого языка и «В» — где вместо греческого изучается второй иностранный язык. Второй и первый, последние классы лицеев, делятся на классические циклы «А», «A_1» и «В», которые готовят интеллектуальную элиту французского общества, и цикл «С», который дает углубленное знание математики и физики.

Современное отделение ориентирует учащихся в двух направлениях: «М» — хорошее знание двух иностранных языков и «M_1» — знание иностранного языка + естествознание. Для всех циклов общими предметами являются французский язык, основной иностранный язык, история, география, обществоведение, физвоспитание, рисование, музыка, ручной труд.

Можно ли, получив среднее образование по такой программе, найти практическое применение своим знаниям в сфере торговой, промышленной, делопроизводства — одним словом, в жизни современного буржуазного общества? И как тут не вспомнить слова американского ученого Роберта Хилброннера, который писал: «Наше общество — это гигантская штамповальная машина для небрежно изготовленной продукции недоразвитых, плохо обученных человеческих существ».

В выпускном классе лицея, готовящем к сдаче экзаменов на степень бакалавра (аттестат зрелости), происходит новое перераспределение учащихся. Вместо прежних появляются три новых направления: философия, экспериментальные науки и математика.

Два раза в год во Франции проводятся сессии, во время которых принимают экзамены на степень бакалав-

НА ОРБИТЕ «ГЛОБУСА»

— ПИЩА ДОРОГАЯ

ра. Их можно рассматривать как «открытие двери» к высшему образованию. Обычно сдают два экзамена: письменный экзамен — сочинение по французскому языку и сочинение по философии (для циклов «А») или по жребию сочинение по французскому языку и литературе и устный по философии и наоборот.

И вот молодой человек, преодолев две ступени начального образования, экзамены на степень бакалавра, вынужден для того, чтобы поступить в высшее учебное заведение, окончить или двухгодичные высшие курсы, или трехлетнюю специальную школу. Без этого его знаний недостаточно для поступления в университет.

Например, Высшая национальная химическая школа имеет отделения в Бордо, Клермон-Ферране, Монпелье и Тулузе. Число мест для абитуриентов устанавливает министерство национального образования (например, в Тулузе — 60). Участвовать в конкурсе имеет право окончивший двухгодичные подготовительные курсы при некоторых лицеях или выпускник специальной двухгодичной школы при высшем учебном заведении. На курсы принимаются лишь обладатели степени бакалавра. Таким образом, длинный бег с препятствиями может закончиться поражением на конкурсе.

Не везде абитуриенты сдают конкурсные экзамены. Но тогда они заменяются не менее запутанной системой конкурса аттестатов и собеседований. Еще тяжелее положение на гуманитарных факультетах.

Вторая ступень образования, призванная готовить к поступлению в высшую школу, устарела и не справляется со своей задачей. Но успешное ее изменение может породить новые, еще более сложные проблемы. Потому что суровый отбор претендующих на звание студентов не случаен, он основан на убеждении, что чем меньше студентов, тем легче разрешить проблему использования «получивших дипломы». «Это драма современного французского общества», — пишет Франсуа Брессон.

Л. ПЛАТЭ

ЯЗЫЧНИК В РАЮ

Рассмотрим теперь, с какими трудностями встречается счастливчик, преодолевший все барьеры по дороге в университет.

С Клодом Жибо, студентом математического факультета Сорбонны, мы познакомились летом 1966 года в Англии на одном из матчей последнего первенства мира по футболу. Мой собеседник прибыл в Лондон на грузовом судне «Алюэт», где подвизался в качестве... кока.

— Приходится подрабатывать во время каникул, — пояснил он. — Гранит науки — пища дорогая, не всякому по карману. За крохотную комнатушку в Латинском квартале наш брат провинциал платит по 80—90 франков в месяц...

Клод Жибо — сын потомственного докера из Гавра. Пробиться в университет, по его выражению, ему было «не легче, чем язычнику прошмыгнуть в рай».

— У многих иностранцев сложилось какое-то опереточное представление о Латинском квартале, как о счастливом царстве беззаботных студентов, — говорил Клод с горечью и не без некоторого раздражения. — Пожили бы они хоть год в Париже на студенческую стипендию. Так ведь и стипендию получают всего процентов двадцать. А каково остальным, если у них нет богатых родителей! Приходится искать временную работу, а где ее найти! Мне вот повезло. Отец помог устроиться на курсы корабельных коков — теперь успеваю сделать рейс-другой на каникулах. А сколько моих товарищей были вынуждены бросить учебу! Если на первом курсе мы — «низшее сословие» — все-таки составляем процентов десять-двенадцать общего числа студентов, то к моменту выпуска нас остается не более восьми процентов. Возникает некая демографическая инверсия: мы, представляющие абсолютное большинство населения, в университете оказываемся в абсолютном меньшинстве. А между тем неподалеку от Сорбонны, в самом центре бульвара Сен-Жермен, на пьедестале памятника Дантону высечены слова: «После хлеба образование — насущнейшая потребность народа». К сожалению, наши господа министры проносятся по бульвару в своих лимузинах с такой скоростью, что, видимо, не успевают прочесть эти строки.

Во французском высшем образовании жесткая централизация и мелочная бюрократическая опека удивительным образом сочетаются с полной анархией.

— У нас, — рассказывал Клод, — если университет в Тулузе или Гренобле захочет принять на работу новую уборщицу, он должен спросить на это разрешение у самого министра просвещения в Париже, а вот учебные программы в каждом университете составляются руководителями кафедр по собственному усмотрению и, по существу, больше никем не контролируются. Нередки случаи, когда студент, проучившийся пару лет, скажем, в Лилле, а затем в силу каких-либо обстоятельств, переехавший в Париж, внезапно сталкивается не только с совершенно иной системой преподавания, но и с другими учебными курсами...

Клоду повезло с научным руководителем. Профессор Марк Замойски ценит в студентах пытливый ум, способность критически мыслить. Такие преподаватели встречаются в Сорбонне не так уж часто.

— В большинстве случаев, — рассказывал Клод, — студент на экзамене предпочитает ограничиваться точным изложением прослушанных лекций. Он знает, что достаточно ему высказать одну самостоятельную мысль, чтобы оказаться в числе «неуспевающих»...

Семинары и практические занятия даже на факультетах точных наук проводятся лишь в виде исключения. Как правило же, преподавание ограничивается чтением лекций с кафедры, причем содержание их год от года не меняется — и это в то время, когда мир переживает величайшую научно-техническую революцию.

На должность ректора министерство просвещения обычно назначает людей, имеющих очень мало общего с наукой. Типичный пример — ректор Сорбонны 68-летний Жан Рош.

Клод называл свой университет «оплотом филистерства», сетовал на то, что в Сорбонне «пустая риторика ценится выше критического анализа и Прусту отдают предпочтение перед Пастером».

— За последнее десятилетие, — рассказывал он, — число студентов у нас возросло в два с половиной раза, а правительственные ассигнования университетам остались на прежнем уровне. Оборудование в лабораториях — допотопное. Аудитории вмещают лишь часть студентов — остальным приходится слушать лекции через громкоговоритель, примостившись в коридоре или даже на ступеньках лестницы... В Сорбонне около 160 тысяч студентов, а читальный зал фундаментальной библиотеки рассчитан на... 500 человек. Хочешь не хочешь, приходится идти в расположенный поблизости «Американский культурный центр». Там богатая библиотека, светлые и просторные читальные залы, удобные кресла, но в обмен на «гостеприимство» надо безропотно выслушивать их пропаганду, а нам, по правде сказать, и собственная — о «величии Франции» — порядком надоела. Какое уж тут величие, если за весь послевоенный период во Франции зарегистрировано всего три технических изобретения, имеющих международное значение! Стране нужны специалисты в области кибернетики, электроники, ядерной физики, а университеты продолжают выпускать чиновников и краснобаев. Прав известный философ Раймон Арон, называющий французские университеты «интеллектуальными гетто».

Тяжелое положение высшей школы давно уже служит предметом забот и тревог передовой общественности Франции. Еще до второй мировой войны ученые-коммунисты Поль Ланжевен и Анри Валлон разработали проект реформы, предусматривающей модернизацию и демократизацию системы университетского образования. Во многих странах их предложения были встречены с энтузиазмом, и только в самой Франции они наткнулись на ледяную стену официального равнодушия. Только бурные события прошедшего лета заставили правящие круги Франции вплотную заняться университетской проблемой.

11 октября 1968 года национальное собрание одобрило так называемый «Проект закона об ориентации высшего образования».

В ходе дебатов депутаты национального собрания неоднократно подчеркивали, что новый проект закона «осовременит» французскую систему высшего образования, приблизит ее к более передовым системам, существующим в некоторых других государствах (большинство ораторов называло при этом Советский Союз). Действительно, в смысле модернизации университетской жизни был достигнут несомненный прогресс. Однако главный порок французской высшей школы — ее антидемократизм — оказался непреодолимым в условиях капиталистического общества. Это наглядно проявилось в том, что право определять «наиболее достойных» абитуриентов при наличии конкурса целиком сохранено за преподавателями. Между тем ни для кого не секрет, что среди последних преобладают консервативно настроенные буржуа, отнюдь не заинтересованные в том, чтобы облегчить доступ в университет выходцам из трудовых слоев населения.

«В условиях капиталистического режима реформы образования осуществляются исключительно в интересах крупного капитализма и во имя его прибылей, — пишет член ЦК Компартии Франции профессор Пьер Жюкэн в газете «Юманите Диманш». — Отсюда их ограниченный характер, отсюда их отрицательные стороны».

Вопиющее отставание французской высшей школы наносило ущерб не только национальным интересам страны, но и в известной мере хозяевам монополий, так как подрывало их конкурентоспособность на мировом рынке. Однако, дав свое «добро» на реформу, короли парижской биржи предприняли все меры к тому, чтобы она не поставила под угрозу самые основы буржуазного общества.

Во время заключительных дебатов в национальном собрании по поводу проекта закона о реформе высшего образования депутаты правого крыла сумели внести в этот проект несколько существенных дополнений и поправок, ограничивших его значение. Реакционеры добились привлечения частного капитала к финансированию университетов, снижения числа студенческих представителей в университетских советах, ограничения свободы политических дискуссий в стенах университета. В то же время предложения депутатов-коммунистов об установлении государственной стипендии для всех нуждающихся студентов и предоставлении учащейся молодежи гарантий против административного произвола были отвергнуты. Учитывая все эти обстоятельства, коммунистическая группа приняла решение воздержаться при голосовании проекта.

«Итак, хороший или плохой закон!» — с этим вопросом редакция «Юманите Диманш» обратилась к депутату-коммунисту, мэру города Глуази-ле-Руа Фернану Дюпи.

«Если бы мы считали, что это плохой закон, то голосовали бы против его принятия, — ответил Дюпи. — Вместе с тем пока нельзя утверждать, что это хороший закон. Все зависит от того, как он будет проводиться в жизнь. Решающую роль в этом отношении должны сыграть два фактора. Первый из них носит финансовый характер. Для того чтобы принятый закон получил реальное воплощение, следует значительно увеличить ассигнования на нужды высшей школы. Между тем национальный бюджет на 1969 год не предусматривает такого увеличения. Если правительство не предпримет новой инициативы в этом вопросе, практическое осуществление реформы окажется невозможным.

Второй фактор — наличие или отсутствие доброй воли у правительства. Не следует забывать, что речь идет о правительстве крупного капитала, которое хотя и вынуждено приоткрыть окно, чтобы впустить в помещение свежий воздух, при первой же возможности снова постарается наглухо закрыть ставни...»

Фернан Дюпи подчеркнул, что коммунисты — депутаты национального собрания приложат все усилия к тому, чтобы добиться необходимых ассигнований и заставить правительство честно проводить в жизнь принятый закон. При этом они рассчитывают на активную поддержку широких народных масс, борющихся за систему просвещения, которая отвечала бы нуждам нашего времени и национальным интересам Франции.

ФКП считает, что сделан важный шаг в этом направлении, но лишь первый шаг. Она указывает на необходимость продолжать борьбу по всей стране за то, чтобы двери университета были открыты для детей рабочих и крестьян, за более широкое предоставление стипендий и пособий на учебу, против нынешней возмутительной заброшенности профессионального обучения, за то, чтобы тысячи трудящихся, которые в свое время не имели возможности получить среднее и высшее образование, могли бы теперь возместить упущенное благодаря оплачиваемым каникулам, наличию вечерних, заочных курсов и т. д.

Таковы ближайшие задачи, выполнение которых подготовит почву для проведения подлинно демократической реформы в системе просвещения Франции.

Г. АЛЕКСАНДРОВИЧ

На крайнем западе Уганды, между озерами Эдварда и Георга, раскинулся Елизаветинский национальный парк. Казинга-канал, соединяющий эти озера, славится не только разнообразием пернатых, но и многотысячными стадами бегемотов. Постоянные обитатели парка — косули, антилопы, буйволы и львы.

Одним из редчайших представителей здешней фауны считается горная горилла. Ее можно увидеть на юго-западе страны, на склонах гор, примыкающих к границе Руанды.

Несмотря на свирепый вид, африканская горилла покладиста. Питается она фруктами, листьями и корневищами различных растений. Гориллы миролюбивы и нападают на человека редко. В последний раз это было четыре года назад. Появление стада горилл вблизи африканского поселения местные жители восприняли как проявление гнева одного из идолов. Навстречу животным были посланы лучшие охотники. В близлежащих деревнях били военные барабаны, призывая воинов к оружию.

Прибыв на место, воины обнаружили, что гориллы убили их лучшего охотника. Воины попытались вынести труп убитого, и тогда гориллы их атаковали. Развернулось настоящее сражение, которое длилось около часа и окончилось не в пользу людей.

На северо-западе Уганды расположен другой уникальный заповедник — Мерчисонский. При въезде в парк дорогу преграждает шлагбаум. Оказывается, недостаточно только заплатить за въезд. Следует еще ознакомиться с инструкцией. Если повезет, в Мерчисонском национальном парке вы сможете повстречаться сразу как с черным, так и с белым носорогом. В водах озер и рек обитают нильские бегемоты и громадные крокодилы. Именно здесь был убит крокодил длиною в семь метров.

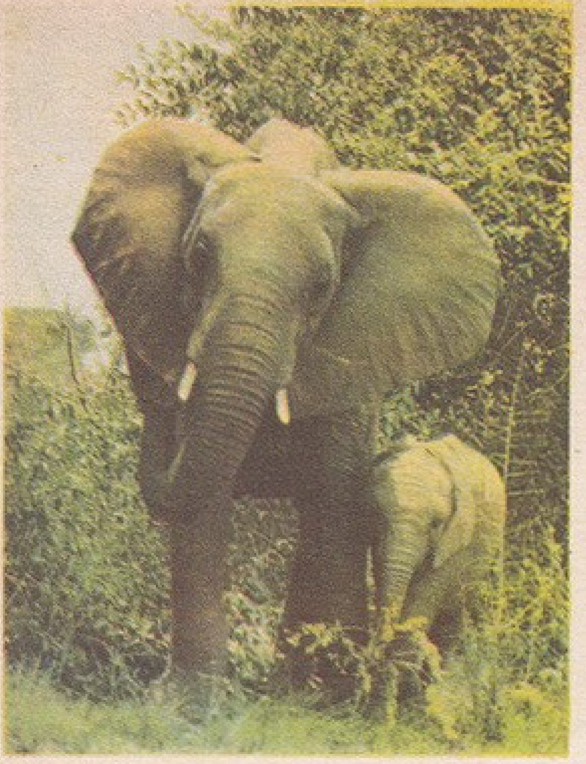
Но подлинные хозяева Мерчисонского парка — слоны. «Слоны пользуются преимущественным правом движения» — подобные дорожные знаки удивляют здесь только иностранцев. Когда массы кочующих в поисках пищи слонов пересекают дорогу, десятки автомобилей терпеливо ждут своей очереди. Какой чудак осмелится оспаривать у этих животных право первенства после того, как один неучтивый слон с легкостью пушинки перевернул легковую автомашину?

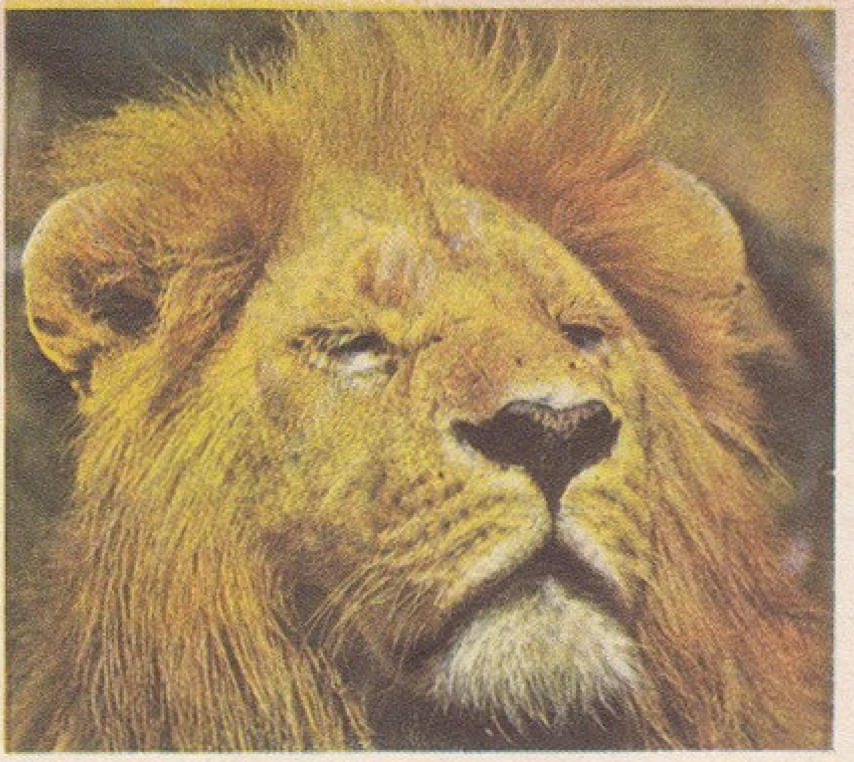
Слоны хозяйничают повсюду. Запретных мест для них не существует. У входов в отели вывешены надписи, призывающие быть осторожными. В доказательство нам показывали слоновьи следы в двух-трех метрах от главного входа.

Иногда гегемонию слонов пытаются оспаривать бегемоты. Как-то семейство слонов регулярно «проверяло» мусорные ящики в домиках, занимаемых туристами. Совершив очередной набег, это семейство направилось к Нилу на водопой. Но привычное место было занято бегемотами. Один из бегемотов, схватив напавшего на него слоненка за хобот, потащил его в глубину. Только вмешательство слонихи спасло ее сына: бегемот отпустил его и не спеша ретировался.

Слоны любят забавляться в воде, причем наблюдать за ними в эти минуты особенно интересно. Перед верандой отеля «Килагуни» («Холм носорога»), открытого в парке в 1962 году, было сооружено несколько водоемов. Туристы прямо с веранды фотографировали и любовались слонами. Для порядка в холле вывешено объявление: «Гостей просят вести себя спокойно, когда животные приходят на водопой».

Со львами я познакомился в окрестностях кенийской столицы, где также расположен национальный парк. По неопытности мы полагали, что львы непременно должны прятаться в зарослях акаций. Однако там их не оказалось. И вот когда мы уже собрались уезжать, внимание привлекло скопление автомашин на обочине дороги. Развернувшаяся перед нами картина поразила нас. Семейство львов в нескольких метрах от проезжей дороги заканчивало царственную трапезу. Добрая половина нерасторопной антилопы уже переваривалась в их желудках. Насытившись, львы не спешили покидать жертву. Было замет-

Сражение с гориллами

но, что пища и жаркое солнце клонили хищников ко сну. Лень и жадность не давали им подняться и уйти в тень кустарника. Первой встала львица. Она обошла вокруг растерзанной антилопы, бросила безразличный взгляд на людей и отправилась в тень.

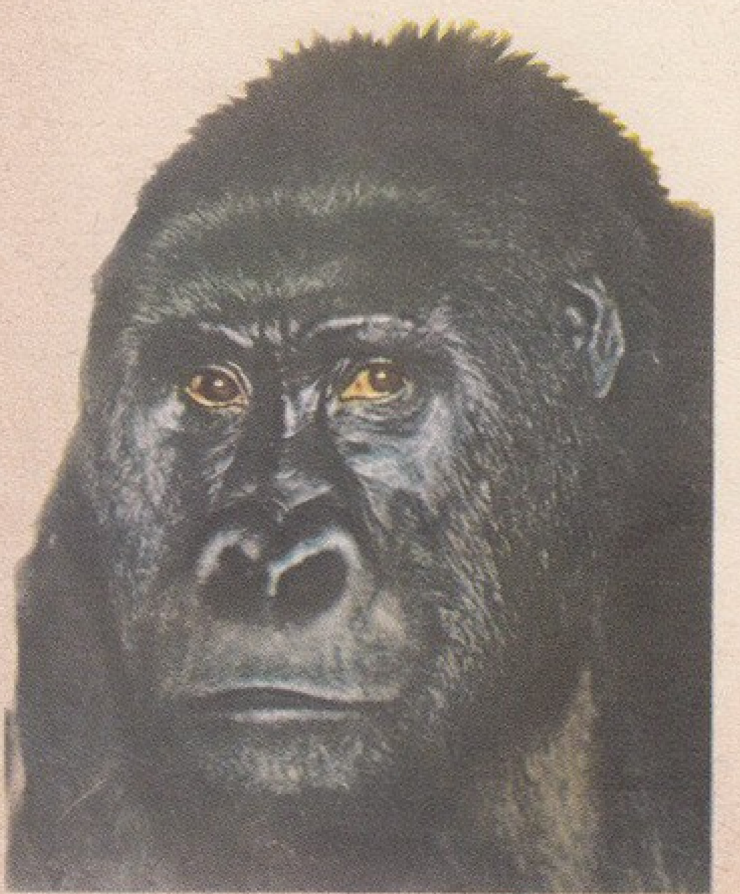
Путешествуя по национальным паркам Восточной Африки, убеждаешься уже сейчас, что желающих посмотреть тех или иных животных больше, чем самих животных.

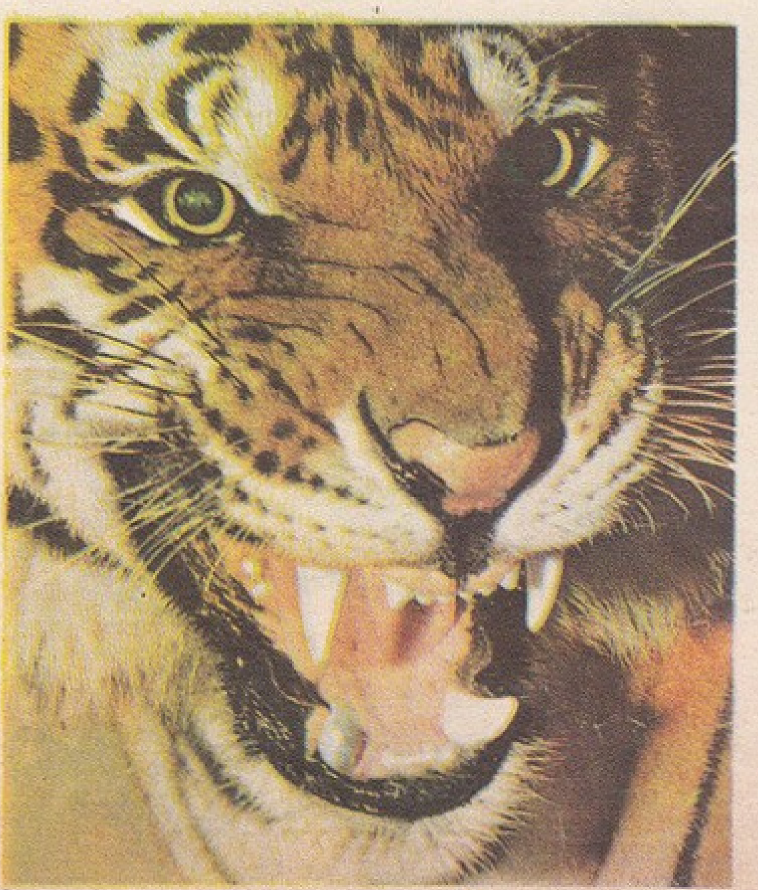
Львы давно уже привыкли к посетителям. На глазах людей они охотятся, играют, спят. Одним словом, ведут себя так, словно знают, что их осталось не так много и что они находятся под охраной.

В самом деле, во многих районах Африки львы и леопарды крайне редкое явление. В середине прошлого столетия на Африканский континент устремились тысячи авантюристов и браконьеров в погоне за слоновой костью. В результате большинство самцов с крупными бивнями было перебито. По подсчетам ученых, от общего количества животных, обитавших на Африканском континенте в начале прошлого столетия, сейчас не осталось и десяти процентов.

Для предотвращения полной гибели уникальных животных и созданы национальные заповедники, обитатели которых находятся под постоянным наблюдением человека. Браконьерство здесь запрещено, а выручка от приема многочисленных туристов составляет важную статью дохода многих африканских стран.

В. АСТАФЬЕВ

В журнале работает отдел «Отвечаем на все вопросы». Вопросы о жизни молодежи за рубежом принимаем по почте и по телефону 290-36-55.

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

1 Когда возник «День Гая Фокса» и отмечают ли его сегодня в Англии?

В. ЧЕРНОВА
г. Гомель

2 Расскажите о венгерской Высшей школе гостеприимства.

В. ШАГАЛОВ
г. Горький

3 Остались ли сейчас какие-нибудь следы от одного из Семи чудес света — садов Семирамиды?

В. ПОРФИРЬЕВА
г. Петрозаводск

4 Хотелось бы прочесть в вашем журнале о негритянском актере Сиднее Пуатье.

Д. ПАВЛОВА
г. Норильск

5 Напишите о филателистической выставке в Софии.

С. СЕРИКОВ
г. Оренбург

1 Отвечает корреспондент ТАСС в Англии Ю. УСТИМЕНКО

По мнению английских историков, «День Гая Фокса», который отмечают на Британских островах вот уже три с половиной столетия, ведет начало от древнего фестиваля встречи зимы. Связанные с ним танцы у костра и сжигание чучел напоминают языческие обряды предков, запасавшихся теплом на холодное время года и отдававших дань духам непогоды. Христианство давало таким языческим празднествам новые названия и использовало для своих целей. Так и «День Гая Фокса» отмечает победу протестантской религии над католической.

Еще в XVII веке в Англии был принят ряд законов, которые лишали римскую церковь земельных владений и тем самым средства оказывать давление на государство и народ. Недовольные этими реформами дворяне-католики при поддержке ордена иезуитов решили свергнуть короля Джеймса Первого. Ядро заговора составили молодые люди из богатых семей, пользовавшиеся репутацией транжиров, дуэлянтов и щеголей. Многие из них были связаны родственными узами.

Из Фландрии был вызван специалист по подрывному делу Гай Фокс, прослуживший 10 лет в испанской армии. Под палату лордов закатили 36 бочек с порохом общим весом более тонны, откуда и пошло название «пороховой заговор». Предполагалось произвести взрыв в тот день, когда король будет произносить традиционную речь на открытии новой сессии парламента. Однако заговор был раскрыт, и Гай Фокс взят под стражу 4 ноября 1605 года.

Раньше 5 ноября по улицам проходили факельные шествия, а на площадях полыхали костры. Под всеобщее ликование на них сжигали кукол, изображавших Гая Фокса и в его лице папу римского. Сейчас такие пышные торжества устраивают только в небольших городах и селениях, где бытуют сильные антикатолические настроения. Жители больших городов ограничиваются домашними фейерверками и скромными кострами на задворках домов из опавших листьев и старых ящиков.

К концу октября у станций лондонского метро, на остановках автобусов, просто на тротуарах располагаются мальчишки и девчонки с самодельными куклами — «гаями». Неподалеку стоят жестянки, куда прохожие бросают монетки. Эти деньги должны по традиции пойти на покупку ракет, бенгальских огней и других чудес пиротехники. Но в наши дни дети, по их словам, не видят смысла в том, чтобы тратить деньги на всякую чепуху вроде хлопушек, и находят им иное применение.

Кукол мастерят из папье-маше и старой одежды. Предприимчивые ребята напяливают на своих "гаев" броские наряды, чтобы привлечь внимание обладателей медяков. Иногда на свет появляются куклы-гиганты метра три высотой. По телевидению организуют выставки «гаев». В ночь на 5 ноября они должны быть торжественно сожжены. Но дети чаще берегут их до будущего года, чтобы снова использовать для сбора денег. Ребята серьезно относятся к своим обязанностям и устанавливают "рабочие часы" сидения с «гаями» — с 10 утра до 7 вечера.

В центре Лондона, на Трафальгар-сквер, собираются вечером толпы веселящегося народа. Самые отчаянные головы отваживаются плескаться в ледяной воде фонтанов, а остальные проводят время, следя за полетом ракет и бешеной игрой бенгальских огней. О количестве фейерверков, которые устраивают в этот вечер, можно судить по тому, что в одном только Лондоне в 1968 году пожарных вызывали 650 раз и несколько сотен человек были доставлены в больницы с серьезными ожогами. Дело дошло до того, что общественные организации и профсоюзы начали кампанию, добиваясь от властей запрещения продажи ракет школьникам.

Большинство детей, которые мастерят «гаев», по существу, ничего не знают о традиции 5 ноября. Многие из них преисполнены убеждения, что «пороховой заговор» закончился успешно. «А то из-за чего же весь шум?» — резонно спрашивают они. Сами куклы не имеют сходства с оригиналом и больше напоминают персонажей из сказок и фильмов «ужасов».

Традиции «Дня Гая Фокса» отражают стремление задним числом укрепить протестантскую церковь. Не случайно в католических школах Англии детям строго-настрого наказывают не принимать участия в этом празднике. Кроме того, Гая Фокса используют в качестве напоминания, что попытки расправиться с парламентом ни к чему хорошему не приводят.

2 Отвечает журналист Д. ПРОШУНИНА

Дунай делит столицу Венгрии на древнюю Буду и современный Пешт. На одной из улиц Буды среди домов с табличками «Архитектурный памятник. Охраняется государством» стоит Музей гостеприимства. Здесь и меню различных обедов, фантазия составителей которых может соперничать с авторами «Тысячи и одной ночи», и призы, и грамоты, которые получили венгерские повара за изобретенные ими блюда на различных конкурсах и съездах специалистов кулинарного искусства в Европе и Америке. Целый стенд посвящен династии венгерских королей кухни Гундалей. И сегодня вряд ли встретится в Венгрии столовая, чарда или ресторан, где бы ни предложили блинчики а-ля Гундаль, жаркое Гундаль-старший или еще какое-нибудь блюдо, в названии которого присутствует имя волшебников кулинарии.

В Музее гостеприимства вас познакомят и с тем, как менялись правила сервировки стола за последние сто лет, какие усовершенствования появились в кухонном оборудовании, и многими другими секретами знаменитого венгерского гостеприимства.

На другой стороне Дуная, совсем рядом со зданием парламента расположилась Высшая школа гостеприимства. Здесь продолжают и развивают традиции, о которых рассказывает музей. Два факультета — торговый и гостеприимства и три отделения — дневное, вечернее и заочное готовят работников гостиниц, кемпингов, ресторанов, магазинов. Школа начала работать в 1962 году, и с первого же выпуска молодые специалисты нарасхват. В этом году 14 выпускников из 65 вернутся на предприятия, которые посылали их на учебу, на оставшихся сделано 170 заявок.

— Наши выпускники завоевали авторитет в стране, — говорит заместитель директора школы Палне Гачбош, — и теперь могут выбирать себе место в соответствии со своими вкусами и наклонностями.

В Высшую школу каждый год большой конкурс: 3—5 человек на место. Сюда можно поступить после гимназии и после средней школы гостеприимства (в Венгрии обязательное восьмилетнее обучение, после чего ребята идут или в гимназию, которая дает право поступать в университет и высшие учебные заведения, или в профессиональную школу).

Наряду с политэкономией, философией, научным социализмом студенты обоих факультетов обязательно проходят психологию, этику, иностранные языки. Психологии уделяется особое внимание. Специалисты венгерского гостеприимства должны хорошо знать особенности человеческой психики; считают, что эти знания необходимы для создания рекламы, для правильной организации гостиничного и ресторанного дела.

Русский язык обязателен на обоих факультетах, кроме того, учащиеся изучают один из языков по выбору: французский, немецкий, английский. Конечно, студенты изучают и специальные предметы. В кухне, оборудованной по последнему слову кулинарной техники, они постигают премудрости кулинарного искусства под руководством лучших поваров страны. Многие из их преподавателей сами учащиеся заочного отделения. Практики обогащают свое мастерство теорией.

3 Отвечает переводчик-референт А. КРИВЧЕНКО

«Ты тосковала по зеленым холмам твоей родной Мидии, моя царица. А потому я построил для тебя здесь, в Вавилоне, зеленую гору!» С этими словами великий Навуходоносор подарил своей томившейся по родине жене, мидийской царевне Семирамиде, земное чудо.

Четыре века спустя греческий математик Филон Византийский составил небольшую книжку, озаглавив ее «Семь чудес света».

В наши дни, даже при самом строгом отборе, чудес набралось бы семь раз по семь. Уже в античном мире чудес было гораздо больше, чем семь. И Филон выбрал семь, очевидно, потому, что с незапамятных времен это число принято считать магическим. Как бы то ни было, сооружения, возведенные в разряд чудес, стоили того: Пирамиды Гизы (единственное сохранившееся до наших дней чудо), Родосский Колосс, Александрийский маяк, Висячие сады Вавилона, Храм Дианы в Эфесе, Мавзолей в Галикарнассе и Зевс в Олимпии.

Висячие сады, которые могущественный повелитель Вавилона (604—562 гг. до н. э.) велел построить для своей возлюбленной супруги, вызывали восторг и восхищение современников. Они действительно были чудесными, хотя и... не были висячими.

Долгие столетия некогда великолепный и пышный Вавилон, разграбленный и сожженный дотла татаро-монгольскими ордами, ворвавшимися в Месопотамию в XIII веке, покоился под грудами иссушенной в пыль земли и песка.

В первой половине XIX века европейцы занялись поисками остатков исчезнувших библейских городов. На поиски Вавилона отправился Клаудиус Рич, за ним — Генри Лайярд. Но их попытки оказались безуспешными. И только на пороге XX века Роберт Колдевей вместе с группой немецких археологов, проделав титанический труд, просеивая многие тонны мелкой, как пудра, земли, вернул людям легендарный город. Город, который, по описанию Геродота, превосходил «своим великолепием любой из городов, известных миру». Город, обнесенный могучей стеной, по которой свободно могли мчаться наперегонки две четвероконные упряжки. Город Башни, ставшей символом человеческой самонадеянности.

На северо-восток от дворца Навуходоносора стояло сооружение, не похожее на все остальные. Издалека оно походило на лесистую гору. Вблизи выглядело пирамидой с галереями-уступами, поднимавшимися чуть ли не на 30-метровую высоту. На каждый уступ был насыпан слой плодородной почвы, на котором в изобилии росли экзотические цветы, кустарники и деревья, привезенные сюда со всего мира. Это и были знаменитые сады, посаженные на причудливой пирамиде, чтобы услаждать царицу Семирамиду, напоминая ей ее родные горы.

Колдевей, раскопавший остатки странного сооружения, обнаружил, что часть постройки была сложена из камня. Это обстоятельство утвердило его в правильности догадки, что именно это и есть висячие сады, ибо во всей литературе по Вавилону, включая и клиновидные таблицы, говорится, что камень использовался только в двух местах: в северной стене Касра и в висячих садах... (Камень был очень дорогим строительным материалом.) Внутри сооружения находилось четырнадцать сводчатых комнат — по семь с каждой стороны от центрального входа. В одной из комнат был обнаружен колодец, отличавшийся от всех колодцев не только в Вавилоне, но и во всем античном мире: у него было три ствола — один продолговатый в середине и два квадратных по бокам. Как пишет Колдевей в своих «Раскопках в Вавилоне», «там стояло гидравлическое устройство, работавшее на том же принципе, что и наш цепной насос: когда ведра, прикрепленные к цепи, приводятся в движение колесом. Такое приспособление... обеспечивало непрерывный ток воды».

Колдевей предполагает, что вавилонские политики, спасаясь от изнуряющей летней жары, проводили большую часть своих собраний в прохладных комнатах под садами.

«Причина, по которой висячие сады были причислены к семи чудесам света, — предполагает Колдевей, — кроется в том, что они были разбиты на крыше жилого здания».

4 Отвечает писатель Джеймс БОЛДУИН

У всех творческих работников странные отношения, особенно у друзей: они могут годами не видеться, встречаясь лишь на премьерах, бенефисах, в аэропорту, но они знают друг о друге почти все. Особенно это касается художников-негров в Америке. Зная условия их труда, я очень боялся за Сиднея. Откровенно говоря, я считаю все, что выпускается Голливудом, пустой тратой денег, времени и таланта и редко хожу смотреть его фильмы.

Путь к карьере, если это действительно карьера, трудный и опасный, со множеством поворотов, столь же резких и неожиданных, как горная тропа. На мой взгляд, Америка — самая опасная в мире страна для художников, в какой бы области они ни трудились. Было бы еще не так обидно, если бы их адский труд давал им вдохновение, но это не так. В основном это страх и пот. Причина в том, что сама сущность американского общества подвергает художника, особенно если он талантлив, изоляции, беспощадно наказывает его за его талант и усилия, а американская форма поощрения — слава и деньги — есть самое страшное наказание, которое можно только придумать.

Вины художника в этом нет, хотя думаю, что он должен был бы постараться как-то изменить положение вещей.

Изоляция, которой подвергаются все художники, становится особенно тягостной и опасной для художников-негров. «Помни, откуда ты пришел», — как-то сказал мне Сидней, и Сидней как нельзя лучше помнит, откуда он пришел.

Мне бы хотелось, чтобы Сидней вернулся на сцену. Бродвей ничем не лучше Голливуда, но я инстинктивно чувствую, что уход из театра — большая потеря как для актера, так и для зрителей.

Никогда не забуду Сиднея в пьесе «Изюминка на солнце». Это вещь характерна для Сиднея. Своим присутствием на сцене он словно электризует зал, освещает все на много миль вокруг. Это было великолепное зрелище. Со времен детства, когда еще существовал «Лафайет-театр», я не видел в зале столько негров. Они пришли, потому что жизнь, проходившая на сцене, чем-то напоминала их собственную. Контакт между актерами и зрителями был потрясающим: они словно дополняли и воссоздавали друг друга. Такое редко случается в американском театре. И в этом заключено гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Реакция зрителей на Сиднея Пуатье и на эту пьесу говорит о все возрастающем отчаянии черного населения страны: оно не может нигде найти ни малейшего отражения той жизни, которой живет.

Я не отношусь к любителям телевидения и не считаю, что будущие поколения смогут почерпнуть какие-то знания из того, что показывают на телевизионном экране. Телевизионная реклама приводит меня в бешенство. И все же, пока существуют этот экран и эта реклама, очень важно, чтобы американский народ знал, что негры тоже чистят зубы, бреются, пьют пиво и курят сигареты, хотя потребуется немного больше времени, чтобы довести до его сознания, что негры также моют волосы шампунем. Крайне важно, чтобы негритянский ребенок видел на этом экране кого-то похожего на него.

Однако всего этого трудно добиться. Вся индустрия массовой культуры работает, чтобы как можно дольше сохранять в сознании американцев иллюзию об «американском образе жизни». Своей задачей она ставит развлекать американцев. Понятие развлечения неотделимо от употребления наркотиков, и, смотря в течение долгого времени в телевизор, ты можешь узнать поистине ужасающие факты об американской действительности. Черное лицо, правдиво изображенное, не вписывается в эту иллюзию, оно, наоборот, опровергает ее. В этом вся трудность для актера-негра. С одной стороны, он знает, что своим правдивым изображением жизни негритянского населения он нарушает иллюзию, а с другой — он не имеет права не показать эту жизнь правдиво, потому что его зрители ждут от него правды. С помощью таланта он должен протащить на сцену ту жизнь, которая не отображена в сценарии.

В настоящее время Сидней — суперзвезда. Это озадачивает многих, в том числе и его самого. Он выдающийся актер, это признают даже враги, но он был великолепным актером с самого начала, и не этим объясняется его значительность. Он необыкновенно обаятелен и мужествен, но это как раз те факторы, которые могли бы работать против него. В общем какая-то загадка.

Негров в этой стране лишили всего, и поэтому они не хотят, чтобы их лишали их актеров. Им особенно не понравился фильм «Угадайте, кто приглашен к обеду». Они почувствовали, что Сиднея в нем использовали против них. Мне фильм тоже не понравился. Он показался мне поверхностной, беззубой комедией, в которой, к сожалению, было занято много талантливых актеров. Я не знаю, для кого был сделан этот фильм. Я разговаривал с англичанкой, которая была в восторге и от сюжета и от главного актера. Она не была расисткой, эта женщина, и мне не хотелось доказывать ей, как мало она знает о настоящей жизни негров. Заставит ли ее образ негра, переданный Сиднеем, доброжелательно относиться к цветному, который зайдет в ее лавку? Заставит ли он ее задуматься над судьбой черного народа? Или лицо Сиднея — лишь часть ее иллюзии? Вряд ли кто-нибудь сможет ответить на этот вопрос, вопрос века.

Сейчас Сидней в ореоле славы. Было бы очень интересно посмотреть, что он с ней сделает. Его талант безграничен.

5 Отвечает председатель правления Московского отделения Всесоюзного общества филателистов П. МАЗУР

Всемирная филателистическая выставка «София-1969» — так называют очередной слет коллекционеров, который начнет работать 31 мая 1969 года в столице Болгарии.

Филателистические союзы и общества, почтовые ведомства 50 стран мира уже прислали заявки в оргкомитет. Здесь, как и на предыдущих экспозициях, будут выставлены хронологические и тематические коллекции почтовых марок, конверты первого дня, конверты со специальными почтовыми штемпелями, маркированные конверты и открытки, а также почтовые документы, которыми пользовались, когда еще не было марок. Кроме того, посетители смогут ознакомиться с филателистической литературой и пособиями.

Во время выставки в Софии состоятся конгрессы Международной филателистической федерации и Международной ассоциации филателистических журналистов.

Больше 50 заявок от коллекционеров для участия в «Софии-1969» поступило в правление Всесоюзного общества филателистов. Предварительно отобрано 26 коллекций, многие из которых уже экспонировались на всесоюзных и международных выставках и были удостоены наград.

Среди членов жюри будут и два представителя Всесоюзного общества филателистов.

Гарвей СВАДОС

Ночи в парках Бруклина

Рассказ

Когда-то Нью-Йорк был для меня всем, и жизнь в другом городе казалась немыслимой. Я был молод, война только что закончилась, и я строил радужные планы на будущее.

Я окончил колледж в 1943 году. Для меня это был плохой год: старший брат погиб в Северной Африке, мать умерла незадолго до этого, отец скончался в полном одиночестве за месяц до моей защиты. Распрощавшись с приятелем по комнате Барни Ильтцером, я вступил в армию Соединенных Штатов, которая приняла меня с распростертыми объятиями. На полигонах Миссисипи, Англии, Нормандии я прошел курс наук, предполагавший полное забвение всей той муры, которой меня обучали до сих пор. Я обливался потом, дрожал от страха, стрелял сам, служил мишенью для других и, наконец, получив ранение, покинул армию. Я помчался из Европы в Нью-Йорк. Мне выдали ссуду по демобилизации, и я снял квартиру в Бруклине.

Я плыл по течению. То мне хотелось стать актером кино, то подумывал, не начать ли мне выпускать авангардистский музыкальный журнал; короче говоря, идея разбогатеть и в свободное время покровительствовать искусствам казалась в то время очень заманчивой. Сунувшись туда-сюда в поисках работы, которая не была бы слишком ответственной и обременительной, я, наконец, нашел то, что мне было нужно.

Я устроился в Бюро по переписи населения, и в мои обязанности входило нажимать на дверные звонки. Почти все служащие конторы были молодые ветераны войны. Многие из них мечтали стать поэтами, актерами, даже бизнесменами, и работа эта была лишь средством заработать на жизнь.

В первые дни я испытывал робость, но затем, научившись не замечать грубость и недоброжелательство и, что самое главное, перестав болезненно реагировать на всю эту неприкрытую послевоенную нищету, которую жильцы так охотно передо мной демонстрировали, я даже стал с нетерпением ждать момента, когда выйду утром на улицу. Что я найду? Кого встречу сегодня?

В один из таких дней в закопченном поезде метро я встретил Паулину. Она сидела, уткнувшись в «Партизэн ревю», и сразу приковала мое внимание. Когда рядом освободилось место, я сел. Заглянул в журнал. Она читала рассказ «Колония». Я не знал, где мы едем, народу в вагоне постепенно становилось все меньше, она была очаровательна, я продолжал сидеть, не в силах подняться; наконец она встала и, заложив указательным пальцем страницу, на которой читала, вышла из вагона. Я выскочил вслед за ней.

— Вам нравится этот рассказ? — услышал я свой хриплый голос.

Она обернулась. У нее было скуластое лицо с маленьким, гордо вздернутым носом. После паузы, показавшейся мне вечностью, она улыбнулась.

Мы вышли на улицу. Это была 110-я стрит, а вовсе не Морнингсайд Хайтс, где мне надлежало быть.

— Вы проехали свою остановку?

— Пустяки. Если бы вы не вышли сейчас, я бы доехал до конца.

Мы зашли в закусочную и заказали по чашке кофе. Ее звали Паулина, она только что окончила колледж и работала в Отделе по улучшению бытовых условий населения. Мы не могли наговориться — так много нам нужно было сказать друг другу. Я проводил ее до работы, и мы целых десять минут прощались.

В следующий раз, когда мы встретились, я поцеловал ее прямо в метро — в память о нашем знакомстве здесь и просто так, чтобы преодолеть робость. У меня все внутри трепетало и рвалось ввысь, я чувствовал, что вот-вот сейчас сам полечу.

Слава богу, что у меня была квартира. В мою бытность солдатом и студентом уединиться с девушкой представляло невероятную трудность — мы либо ездили по безлюдным улицам в такси, либо сидели в обнимку в последнем ряду кинотеатра, либо из телефонной будки я умолял кого-нибудь из друзей одолжить на вечер квартиру. С Паулиной все это было бы невозможно.

Через две недели после нашего знакомства я вручил ей ключ. Мы вместе готовили обед на газовой плитке. И разговаривали. Поскольку казалось совершенно невозможным, что наши темы иссякнут, и поскольку сидеть в моей теплой маленькой квартирке было куда приятней, чем в три часа утра ехать в промозглом экспрессе к ее родителям, логичнее всего нам было как можно скорее пожениться.

Как раз в это время и произошла моя встреча с Барни.

Первое время он писал мне. Но когда нас перевели в Европу, он, очевидно, перепутал номер моей части.

Из его последнего письма я знал, что он вот-вот должен получить степень магистра математики и собирается учиться дальше при условии, конечно, что я буду воевать за двоих и что до него не доберется призывная комиссия. После этого наша переписка оборвалась.

Мы с Паулиной отправились в Ситицентр слушать «Нью-Йоркскую симфонию». Дирижировал Бернстайн. Во время антракта спустились вниз покурить, и тут-то я увидел Барни. Он совсем не изменился. Те же сросшиеся на переносице брови, тот же длинный нос, та же «антрактная» сигара в тонких губах.

Мы увидели друг друга одновременно и ринулись через толпу, разделявшую нас.

— Я знал, я говорил Паулине, — радостно повторял я, — что, если буду регулярно ходить на концерты, обязательно встречу тебя.

— Стоп! — сказал он. — Давайте знакомиться. Это Корделия Спенсер.

Девушка была хорошенькая. Высокая, юная, с небрежно накинутым поверх длинных белокурых волос прозрачным шелковым шарфом.

— Мой приятель, моя совесть, — представил меня Барни. — Вечно приставал ко мне с политикой.

Нам не хотелось расставаться даже на час. Мы еле дождались конца второго отделения и отправились в «Русскую чайную».

С этого дня мы почти все вечера и уикенды проводили вместе. У меня сохранились фотографии тех дней: вот мы с Барни резвимся, вот Дели и Паулина прогуливаются по парку, а вот мы все на фоне голубого неба и весеннего солнца выстроились перед объективом, наши лица наполовину в тени, в глазах — надежда и ожидание.

Если не считать моего нежелания каждую пятницу посещать тестя, наши с Паулиной повседневные дела и характеры настолько дополняли друг друга, что нам становилось страшно от избытка счастья.

Вечером Паулина посещала какую-нибудь семью, а я — тех клиентов, кого не застал днем. По воскресеньям мы собирались у нас на Бруклин Хайтс. Дели, свернувшись клубочком, устраивалась на тахте, ожидая прихода Барни, карманы которого всегда были набиты вкусными вещами. Паулина разогревала на плите банку крепкого, пряного супа. Я добавлял красящего вещества в миску с белым маргарином. Мы ели, говорили о политике и обсуждали события прошедшей недели.

Мы с Паулиной удивлялись, почему Барни и Дели не женятся. Нам трудно было представить себе, что кому-то достаточно каждый вечер говорить друг другу «до свидания». Барни был не склонен обсуждать этот вопрос, но из разговора с Дели Паулина узнала, что

они якобы не уверены друг в друге и к тому же не знают, как к этому отнесутся их семьи.

Однажды вечером мы сидели в ресторане. Внезапно Барни повернулся и спросил:

— Сколько это может продолжаться?

— Что именно?

— Тебе не кажется иногда, что мы этого не заслужили?

— Не заслужили? Я три года провел в этой проклятой армии с людьми, которые мне были противны. Теперь я живу, как мне хочется, и не чувствую за собой никакой вины.

Барни не стал углубляться и добавил:

— Я не то хотел сказать. Дело не в нашей вине. И уж, во всяком случае, я не имел в виду тебя. Ведь это я увильнул от призыва.

В другой раз нас собралось человек шесть, и мы отправились поужинать в «Сокол-холл» на 71-й стрит.

— Ты помнишь, о чем я говорил тогда? — спросил Барни.

Разумеется, я помнил.

— Я не хочу сказать, что у меня кусок застревает в горле, когда думаю обо всех голодных. Это больше по твоей части. Но теперь, когда для большинства из нас война закончилась и нам предстоит жить дальше, мне как-то не по себе. Заслужили ли мы, я имею в виду нашу страну, все это?

Я был несколько озадачен. В колледже я, а не Барни, придерживался левых убеждений. И такой вопрос фактически должен был задать я. Но мне это даже не приходило в голову. Может быть, потому, что я был более счастлив, чем он. Война кончилась, но угроза призыва все еще существовала, поэтому Барни и был вынужден прервать учебу (аспирантура уже не освобождала от службы в армии) и заняться военной исследовательской работой, которая была ему не по душе, но зато гарантировала отсрочку. Я знал, что порой он готов был послать все к черту и записаться добровольцем в Токио или Берлин; удерживала лишь надежда, что призыв в армию скоро прекратится и он сможет вернуться в университет. Кроме того, существовала Дели.

Она сидела и смеялась, не прислушиваясь к нашему разговору. С нами за столом был Данте Брунини, которого пригласил я, хотя он и не принадлежал к числу наших друзей. Данте оказывал мне кое-какие услуги, и, хотя не блистал умом, все нашли его довольно занятным.

Он даже был в центре внимания. Его черные, как смородина, глаза сверкали, голос звенел, руки, которыми он азартно рассекал воздух, были красивой формы: он подавлял нас своим апломбом.

Прошло несколько недель. Мы ездили купаться, ходили на Кларка Гейбла в «Гринич театр». Брали напрокат велосипеды и катили по бульварам Бруклина до самого Кони-Айленд. Регулярно посещали лекции о Пикассо в Нью-скул. За все это время мы с Паулиной ни разу не вспомнили о том, что так мучило Барни зимой.

Мы говорили о других вещах, в том числе и о ребенке. Во мне с детства воспитали серьезное отношение к обязанностям, и поэтому, хотелось этого или нет, надо было подыскивать новую работу.

В то лето мы довольно много времени проводили в обществе Данте, который, не знаю почему, ходил за нами по пятам. А когда вернулись Дели и Барни, мы стали всюду бывать впятером.

Это была идея Данте — поехать в его родное местечко на фестиваль Сан-Геннаро.

Помню, как, взявшись за руки и распевая «О соле мио!», мы шли по Хьюстон-стрит. По обочинам тротуаров стояли лотки. В одних продавалась еда, в других — игрушки и новинки, владельцы третьих зазывали принять участие в азартных играх. Где-то впереди поднимались к небу клубы дыма. В самой гуще его яростно шипели и брызгали жиром куски говядины на вертелах и свиные внутренности, которые женщины в белых передниках вкладывали потом в огромные, с фут длиной, гиганты-бутерброды с помидорами, луком и зеленым перцем. Голопузые ребятишки с лицами, перепачканными патокой от леденцов, сновали взад и вперед, пугая нас бумажными змеями на палках и деревянными трещотками. Старшеклассники мелькали, как ртуть, собираясь в кучу и разбегаясь в стороны; они танцевали и пели прямо на мостовой, перебегали на тротуар, снова возвращались на мостовую.

Отовсюду доносились звуки десятков портативных приемников, установленных на прилавках лотков или на подоконниках высоких, уходящих в небо, многоквартирных домов. Передавали встречу боксеров Грациано и Зале. Весь квартал болел за Роки Грациано.

Общий азарт передался и нам, особенно Данте. Он стал подпрыгивать и раскачиваться перед Барни.

— А ну давай, — подзадоривал он его, — ты будешь Тони, а я — Роки.

Барни был смущен и не понимал, что ему нужно делать.

— Ты зря выбрал меня, — сказал он. — Я ни разу в жизни не дрался.

— А я поучу тебя, Тони! — воскликнул Данте.

— Дай ему, Роки! — Ребятишки кольцом окружили их.

Вдохновленный поддержкой новых болельщиков, Данте, слегка присев, с силой ударил левым кулаком Барни в живот.

— Эй! — крикнул я, но было поздно.

Барни стоял, ловя ртом воздух, от боли и удивления лишившись дара речи.

— Извини, дружище, — сказал Данте, ласково похлопывая Барни по спине. — Меня занесло. Общий ажиотаж, сам понимаешь. Я тебя не очень?.. А?

Барни потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

— У тебя сильный удар, — сказал он. — Но я переживу.

Прошло три дня, прежде чем я снова увидел Барни.

— Меня выгнали с работы, — сообщил он.

— Выгнали? — Я уставился на него. — Как это?

— Вчера прихожу — мой ящик заперт. Я думал, кто-то подшутил. Начальник говорит, он не в курсе. Тогда я пошел к Маккенну, руководителю проекта. Ты знаешь его, это мой главный босс. Мак очень сожалел и все такое прочее, но поступило распоряжение свыше. Закрыть доступ к секретным материалам. А ведь вся наша работа секретна.

— Это означает, что ты уволен?

— Меня даже не включили в список на зарплату.

— Но почему?

— Никто не говорит. Может быть, приказ Военно-Морского флота? У меня завтра свидание с одним их начальником.

— Пусть он объяснит тебе причину.

Барни усмехнулся.

— Ты когда-то говорил, что я наивен. Даже если я докажу им, что это ошибка, ты видел когда-нибудь офицера или джентльмена, которые признаются, что совершили ошибку?

— Но если ты докажешь.

— Что я должен доказать?

Вдруг меня осенило. Я схватил его за локоть.

— Подожди. Может быть, это из-за меня?

Барни не выразил удивления.

— Я думал об этом.

— Тогда все очень просто.

— Ну, конечно, я скажу этому начальнику, что, когда ты просил меня распро-

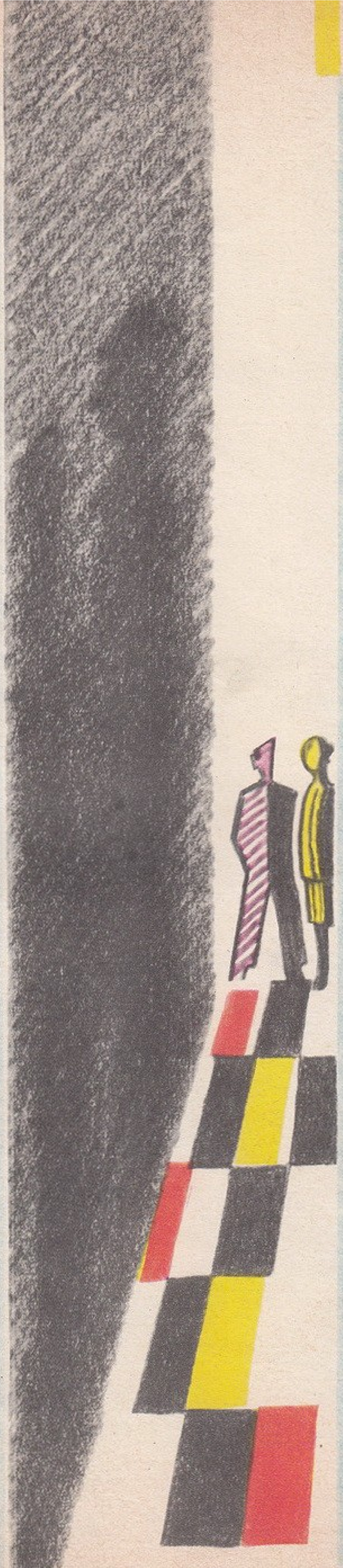

Рис. Б. Шейнеса

странять в колледже листовки, я думал, что это реклама «Салона красоты».

— Я пойду с тобой. И скажу им, что мне так и не удалось пробудить в тебе интереса к политике. Что в общем-то правда. И что...

— Не годится. Нельзя признаваться в том, в чем тебя не обвиняют. «Милый друг, — скажут они тебе, — при чем тут вы?» И что тогда?

— Ты, наверно, прав.

— Более того — ты только навлечешь на себя беду. Не забывай, что ты работаешь в правительственном учреждении.

— Меня не... — я хотел сказать «не уволят», но затем подумал: «А почему бы нет? Конечно, уволят».

Мы никогда прежде не сталкивались ни с чем подобным, нам не с кем было посоветоваться, мы даже не подозревали, что такая же беда постигла многих.

— Что ты намерен делать? — спросил я.

— Попытаюсь узнать, что имеет против меня командование Военно-Морского флота, и срочно буду искать другую работу.

Следующая неделя не принесла ничего утешительного. Командир направил Барни в разведывательное управление Военно-Морского флота, где сказали, что они впервые слышат его имя, и, в свою очередь, посоветовали ему обратиться в разведывательную службу армии. Он потратил чуть ли не целую неделю, чтобы найти кого-то, с кем можно поговорить по этому вопросу, но результаты были малоутешительны. Так ему очень любезно порекомендовали навести справки в ФБР. Когда работники ФБР поняли, что он пришел не отвечать на вопросы, а задавать их, от гостеприимства не осталось и следа.

Тем временем мой коллега Данте Брунини каждый раз, когда мы встречались, приветствовал меня все суше и суше. Меня это беспокоило, и я посоветовался с Паулиной. Она высказала предположение, что у него неладно в семье, но я не был в этом уверен.

С меня хватало своих забот. Однажды поздно вечером, когда мы улеглись в кровать и, чтобы согреться, теснее прижались друг к другу, я решился, наконец, сказать Паулине то, что из-за свойственной ей деликатности она боялась произнести вслух.

— Эта квартира не годится для ребенка. Нет ни кухни, ни раковины, где можно было бы постирать пеленки.

— Это верно, — сказала Паулина и мягко добавила: — И все же не надо ожесточаться против этой квартиры. Я была счастлива здесь. А ты? Ты ведь тоже, правда?

Я почувствовал, что еще одно слово — и я разревусь, может быть, потому, что она успокаивала меня, тогда как это должен был делать я. Мы выключили свет. За окном ночной ветерок шевелил мертвые листья на одиноком дереве. По радио передавали музыку. Мы лежали тихо, прислушиваясь к завыванию ветра и биению наших сердец. Монотонный голос диктора произнес: «А теперь вы услышите «Ночи в садах Испании» Мануэля де Фалья».

Паулина потянулась, чтобы выключить радио.

— Не нужно нам этого. У нас были свои ночи в парках Бруклина, целый год. — Она дотронулась пальцами до моих губ. — Я никогда не забуду эту комнату. Нам было хорошо на любой улице Нью-Йорка, но лучше всего здесь. Точно в такую же ночь, когда было распахнуто окно и в саду летали птички, мы дали жизнь нашему ребенку...

Через некоторое время Барни нашел себе работу в маленькой конторе в Бронксе. Он нанял адвоката и продолжал совершать свои безрезультатные поездки в Вашингтон в надежде получить порочащую его информацию. Что я мог сказать ему на это?

Я все больше погрязал в собственных заботах. Мне думается, не из-за эгоизма, а скорее потому, что такое было время. Мне нужно было найти квартиру для нас троих, с кухней и ванной, но в тот год в Нью-Йорке это было невозможно, тем более на наши деньги.

Однажды Барни пришел поиграть со мной на скрипке.

— Меня опять уволили, — мрачно сообщил он.

Я опустил скрипку.

— Опять?

— Чему ты удивляешься? Вся работа засекречена.

— Барни, возвращайся в колледж. Тебе надо преподавать. Чем позже ты возьмешься за свою докторскую диссертацию, тем тебе будет труднее.

— Слушай, дружище, ты мне надоел. Тут тысяча препятствий. Мне не позволит моя призывная комиссия — раз, сейчас середина года — два, у меня нет денег — три, я не имею права преподавать, если меня не допускают к секретной работе, — четыре... Ладно, — раздраженно закончил он. — Давай играть.

Я чувствовал, что за этим кроется что-то еще, но впервые за годы нашей дружбы мы не могли говорить откровенно.

С каждым днем я все меньше и меньше понимал, что вокруг происходит. Я нажимал на дверные звонки в поисках квартиры, как в первые дни своей гражданской жизни. Но теперь ни моя персона, ни мои надежды и мечты никого не интересовали. Квартир тоже никто не сдавал.

Однажды наши друзья Дифи пригласили нас на новоселье. Я разглядывал прибывающую толпу разряженных, манерных гостей, вслушивался в мерный гул их приглушенных голосов. Внезапно на меня, как шквал, налетел Барни.

— Дружище, — доверительно обратился он ко мне, — тебя смущает обилие новых лиц?

— Не новых, а осторожных. Они так стараются говорить правильные вещи о Сартре, Чаплине, Корбюзье, Стравинском.

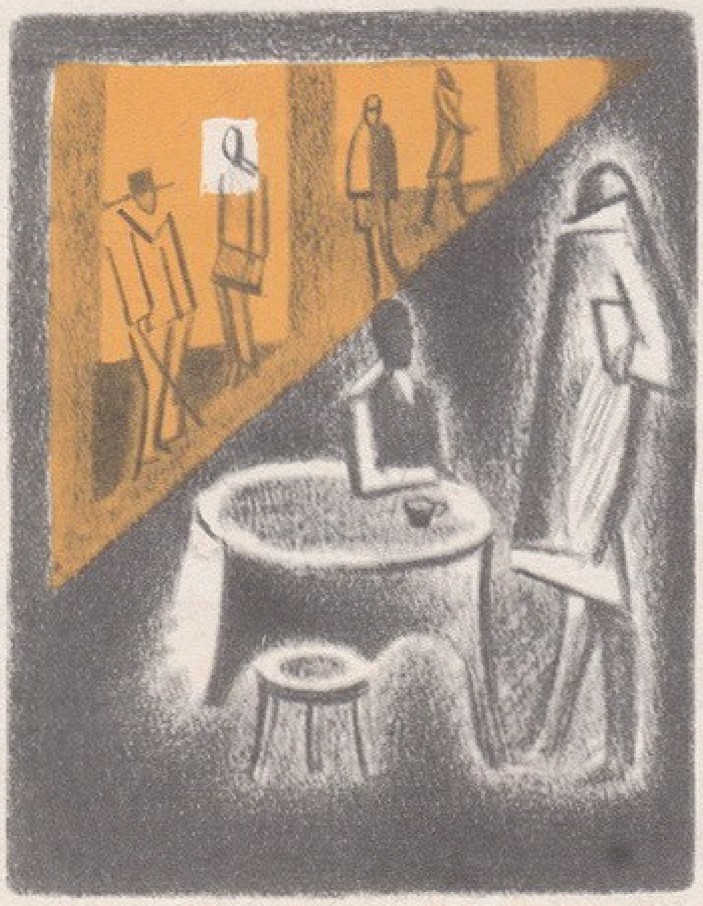
Мы подошли к Паулине, которая разговаривала с моим двоюродным братом.

— А где Дели? — спросил он.

— Она сказала, что придет позже. — Барни закусил губу.

— Извините меня, — обратилась к нам хорошенькая брюнетка в плотно облегающем платье. — Вы не знаете ту пару? У мужчины ужасно знакомое лицо...

Я посмотрел в направлении холла. В дверях рука об руку стояли Данте и Корделия. Данте торжествующе улыбался, обнажая свои ровные белые зубы, и не скрывал радости, что привел такую красавицу. Он ничего не скрывал, да и вряд ли это было нужно; не скрывала ничего и Дели.

Барни, стоявший рядом со мной, издал какой-то хриплый звук, затем резко рванулся в сторону. Не успел я сообразить, что делать или что сказать, как Барни хлопнул входной дверью и исчез.

— Я пойду за ним.

— Не надо. — Паулина покачала головой. — Дай ему побыть одному.

— Я не хочу здесь больше оставаться. Мне все это противно.

Через некоторое время мы пожелали всем спокойной ночи и ушли. Всю дорогу домой мы молчали, но у самой нашей двери Паулина накрыла мою руку своей.

— Он вернется.

— Ничего хорошего уже не будет. Все кончено.

Я всю ночь думал о Барни и о тех двух, которые его предали. И о нас. Что будет с нами?..

На следующий день я с полной ответственностью за свои слова заявил Паулине, что хочу уйти с работы и съехать с этой закоптелой, тесной квартиры. И еще я был готов к тому, чтобы уехать из этого города — города, где я нашел свою любовь и был так счастлив и где я никогда больше счастлив не буду.

Как инвалид войны, я получил от государства ссуду, снял домик на окраине Нью-Йорка и открыл свой магазин музыкальных товаров. Паулина помогает мне.

Иногда вечером мы ездим в Нью-Йорк. Довольно часто видимся с Барни и его женой. Но нам не о чем особенно разговаривать. Барни так и не смог простить мне, что я привел Данте Брунини в нашу компанию.

Иногда мы все-таки собираемся вчетвером и ходим в театр или в «Таун-холл», но Барни изменился. Он ожесточился. Его жена — приятная женщина, и дети очень милые, он сам вполне преуспевает — даже больше, чем я — в качестве управляющего компании по производству туалетных принадлежностей. Но он настолько недоволен собой, что всякий раз, когда я его вижу, мне хочется бежать куда глаза глядят.

Не думаю, что причина всего Дели. Данте или не Данте, Барни все равно рано или поздно бросил бы ее, потому что она человек ненадежный. После Данте она дважды выходила замуж, оба раза неудачно. Сначала за продюсера, потом за какого-то европейца, из тех, что проводят всю жизнь в салонах. Время от времени я слышу о ней: она неизменно присутствует на открытии всевозможных выставок и не пропускает ни одной театральной премьеры; а однажды я даже столкнулся с ней лицом к лицу на коктейль-парти, которую фирма грамзаписи устроила в честь изобретения стереозвука. Она не узнала меня.

Актрисой она так и не стала. Данте, однако, преуспел на театральном поприще. Он регулярно появляется на экране телевизора под псевдонимом Дан Бруно, а недавно я прочел заметку в «Таймс» о том, что ему дали какую-то второстепенную роль в пьесе Теннеси Уильямса.

Мне кажется, что именно этим мне и не нравился Нью-Йорк: с кем-то надо было вступать в связь, кому-то улыбаться, кого-то угощать завтраком — и все для того, чтобы тебя не выбросили за борт. Я не мог быть счастлив в городе, где вино и пища, и даже сама дружба, стали частью общего процесса перемалывания, именуемого «успехом». Я не мог быть счастлив там, где окончательно постиг, что такое грех и предательство. Поняв, какие от меня требуются жертвы, я решил уйти.

Я до сих пор прекрасно помню все улицы, знаю остановки метро лучше, чем любой старожил Нью-Йорка. И как все, что я пережил в ту страстную пору своей юности, он навсегда останется в самых сокровенных тайниках души моей — Вечный город, город, исполненный романтики и отравленный разочарованиями.

Сокращенный перевод с английского
М. ИЗМАЙЛОВОЙ

Солнце растопило голубизну неба. Плавает в луже лимонного сока. Красная нитка термометра застыла у отметки 40. Короткие тени жмутся к ногам, забираются под подметки и не хотят вылезать оттуда: теням тоже жарко. Торговцы поопускали металлические жалюзи своих лавочек и поднимут их только вечером.

Мяснику спать не положено. Люди хотят есть мясо. Пара освежеванных бараньих туш и полтеленка вздернуты на крюках перед входом. Ни рекламы, ни вывески. У мясника нет холодильников. Наглые мухи облепили баранов. Мухи знают вкус мяса. А люди почему-то покупать не торопятся. Мясо висит и день, и два. На самой жарище, в духоте и пыли. Висит и не портится: в воздухе почти нет влаги.

Этой иссушенной земле нужно много влаги. Ленивый Тигр медленно перекатывает в Персидский залив миллионы кубометров воды. Вздувается вдруг в просвете между серыми крышами ярко-бирюзовый пузырь под ослепительным солнцем. Источник прохлады в знойной раскаленности дня. Лазури больше, чем в знаменитом Голубом гроте на Капри. Сейчас бы с головой во всю эту голубую прохладу!..

Куда ни глянь, везде сплошная серость с робкими смугло-зелеными вкраплениями. И Тигр уже не кажется прохладным. Нагревшийся воздух рябит перед глазами, выворачивает реку то наизнанку, то налицо. Издалека — раствор медного купороса, вблизи — табачная настойка. Поди разберись, какой он, Тигр, на самом деле!

В руке у лаборанта колба с буроватой жидкостью. Что в колбе? Самая обыкновенная вода — H_2O. Два атома водорода, один кислорода — соединение, без которого никто

ВОДА

СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ЧЕЛОВЕК

не может существовать. Естественная и натуральная, неподдельная вода из Тигра. В период дождей содержание в ней твердых взвешенных частиц возрастает в пять, а во время паводков — в десять раз. Бактерий такая вода устраивает. А вот людей...

В Москве и Париже, в Багдаде и Нью-Йорке люди пьют воду прямо из-под крана. В Самарре тоже пьют водопроводную воду. Раньше по местному водопроводу бежала хлорированная вода. Цвет у нее был такой же, как и в реке. Сейчас арабские инженеры удивляются: «Неужели мы пили такую воду?» История нового самаррского водопровода началась в 1963 году, когда в Самарру приехали первые строители из Советского Союза. Столица древнего государства Аббасидов — ныне захолустный городишко — вступала в период нового подъема. В соответствии с договором между Иракской республикой и Советским Союзом в нескольких городах Ирака было начато строительство промышленных объектов при непосредственном участии специалистов из Советского Союза. У стен старинного минарета Аль-Мальвия началось строительство завода антибиотиков.

Будущему заводу требовалась вода, чистая, прозрачная. Раньше ее добывали весьма сложным способом: сначала воду из-под крана наливали в специальные колбы — сизые глиняные редьки. В них вода отстаивалась, сочилась каплями через маленькое отверстие на дне, попадала на ватные фильтры. Оставалось лишь прокипятить и остудить ее. Но для производства антибиотиков и такая вода не годилась.

Когда в Самарре началось строительство завода медицинских препаратов, сюда приехала вместе с мужем Валя Вобликова, инженер-химик. Неуютно показалось ей вдали от всего привычного: шумного водоворота московских улиц, проказ маленького Димки. Действительно, чем заняться на стройке жене мастера, выпускнице химфака МГУ по специальности «рентгеноструктурный анализ»?

И все-таки применение знаниям она нашла скоро. На завод прибыла группа девушек, окончивших Багдадский колледж по специальности химики-фармацевты. Тогда-то и попросили Валю позаниматься с девушками. Вале и в голову не приходила мысль, что придется когда-то читать лекции по химии. Но она подумала о том, что, обучая их, будет учиться сама. На первом же занятии ученицы засыпали ее самыми неожиданными вопросами, и Валя рассказала им о себе. Вместе читали журналы, смотрели кинофильмы, а когда становились за теннисный стол, то «высаживали» даже ребят. А как беспокоились и переживали Валины ученицы, когда она заболела!

Потом Валины девушки уехали в СССР на практику. Оставшись без работы, она уже не могла сидеть сложа руки. Пришлось изменить профиль работы: из преподавателя превратилась в химика-аналитика.

Четыре голые стены тупо уставились на Валю, стоящую посреди комнаты. Никого и ничего не было, кроме Вали, в этом замкнутом пространстве, просто руки опускались: здесь должна была быть лаборатория.

К этому времени было закончено строительство и ревизия водоочистных сооружений. Персонала для работы на них не было. Приходилось рассчитывать только на себя.

Сейчас кажется, что все в ее работе было просто и легко. Что не было хлопот с приобретением оборудования. Что не приходилось с боем пробивать химреактивы для анализов.

Лаборатория — координационный центр. Анализы воды берутся непрерывно на всех стадиях очистки. И на каждый участок отсюда поступают команды, корректирующие процесс на основе анализов. Работать одной — разорваться на части, и поэтому Вале не пришлось долго оставаться в одиночестве. На помощь пришли арабские инженеры. Маджид быстрее всех усвоил методику проведения анализов и получил разрешение на самостоятельную работу. За ним Махмуд Халид. Потом пришла Нахида, выпускница института. Лаборатория была готова к пуску водоочистных сооружений.

Были, правда, и казусы. Неожиданно прекратилась подача воды на завод. Выехали на водоочистные — там все в порядке. Насосы работают, вода очищается, уходит по трубам к потребителям. А на заводе воды нет. Может быть, муниципалитет прихватил не свою порцию? Поехали к мэру. По пути дорогу пересек бурный мутно-желтый поток. Немного дальше — еще один. Разгадка явилась сама собой: прежде чем обеспечивать жителей чистой водой, городские власти решили промыть этой же водой весь самаррский водопровод, удалив накопившуюся там за долгие годы грязь.

В другой раз без воды остался не только завод, но и поселок строителей. Оказалось, что воду на завод качали лишь одним насосом. Второй был поставлен на ремонт по приказу советского инженера Шапрова — «дедушки», как ласково зовут его и арабы и русские. Сам Шапров в это время был в двухдневной командировке в Багдаде. И как ни приказывали вместо него арабским инженерам подключить второй насос, они ни за что не соглашались нарушить приказ. Два дня вода подавалась с перебоями, пока приехавший «дедушка» не пустил второй насос. Что ж, порой и заслуженный авторитет не идет на пользу делу.

Месяцы бегут быстрее, чем луна за солнцем. Вся Самарра уже полгода с наслаждением пьет чистую воду. Даже резервуары для готовящихся к пуску технических сооружений испытываются чистейшей водопроводной водой.

Когда водоочистные были в стадии пуска, воду каждую неделю возили в Багдад на анализ. И каждый раз оказывалось, что вода эта вкуснее и чище, чем в Багдаде.

Сандро МЕДИАНО

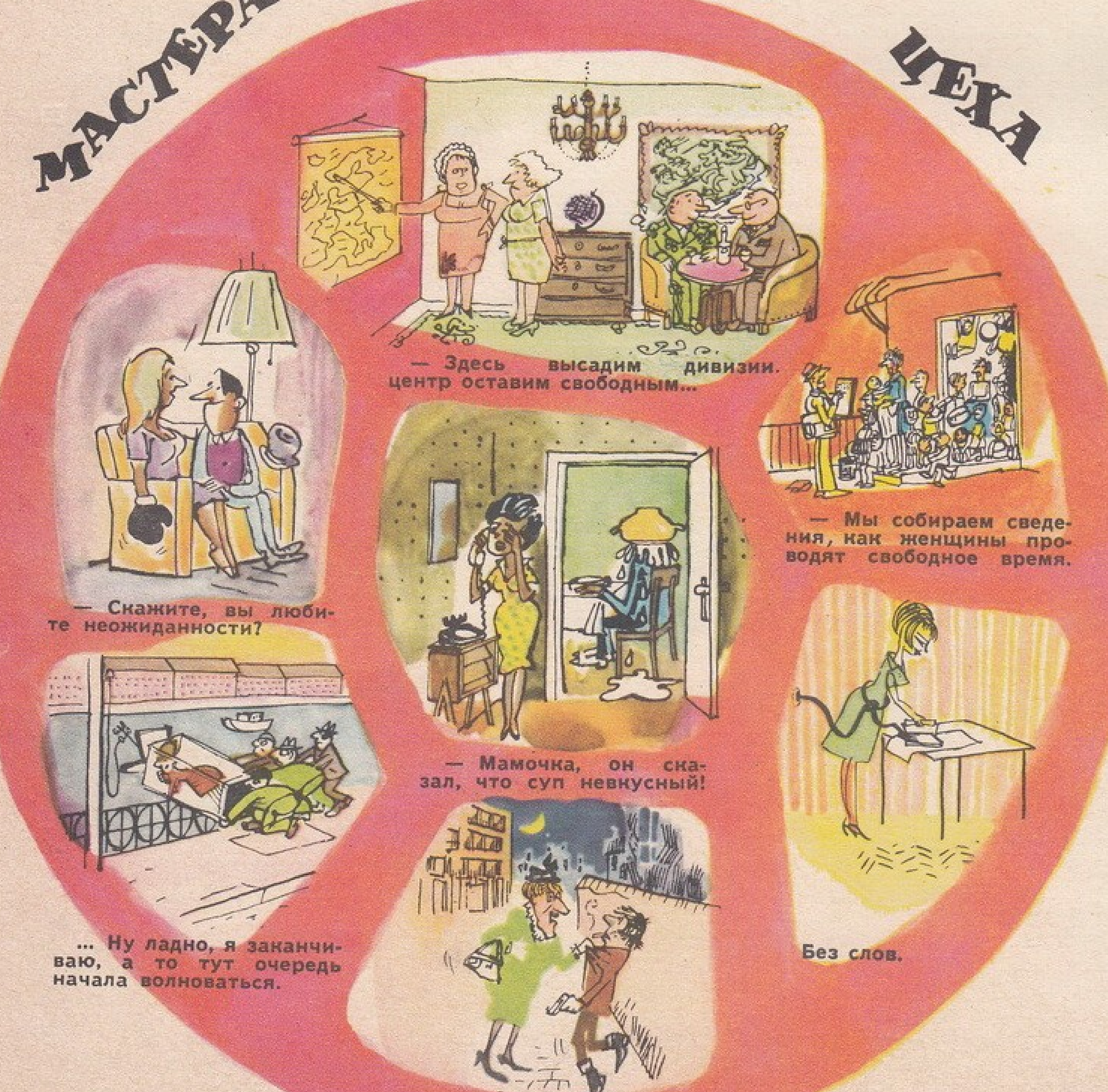
г. Самарра, Ирак

КОСТЮМ И БЛУЗКА

АКАДЕМИЯ ГИТАРЫ ►

МАСТЕРА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

Девушкам, которые любят строгий и элегантный стиль, художник-модельер Е. ФРЕЙМАРК рекомендует костюм темного цвета с блузкой из шелка, отделанной рюшами, кружевами. Красивые запонки или брошь придают ансамблю торжественность. В таком костюме после работы можно пойти в театр, на концерт.

В этом сезоне очень модны блузки типа мужской сорочки. Они могут быть нарядными и повседневными — все зависит от ткани и цвета. Такие блузки можно шить из ситца, сатина, фланели, поплина. Их носят с юбкой или брюками.

Ведет музыковед Арнольд Волынцев

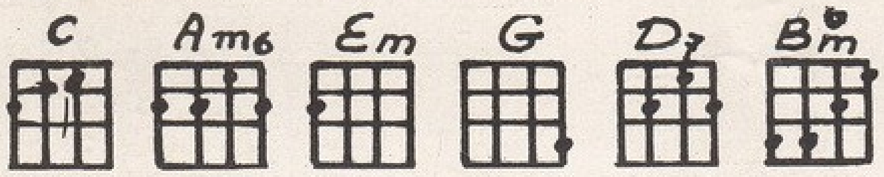
Урок второй. Буквенные обозначения и гитарная сетка.

Помимо общепринятого обозначения нот (до, ре, ми и т. д.), существует буквенное. Между ними следующие соответствия: До — C, Ре — D, Ми — E, Соль — G, Ля — A, Си — B. Здесь расхождение с симфонической музыкой, где Си нотируется как H. Ноты, лежащие на полтона ниже, обозначают теми же буквами, но со знаком бемоля (♭) вверху (например, ля-бемоль обозначают (A♭), а ноты, лежащие на полтона выше, — со знаком диеза (♯).

Аккорды обозначают буквой, соответствующей ноте, на которой они строятся. Так до-мажорное трезвучие обозначают просто как C. Для нотации минорного трезвучия снизу добавляют букву m. Например, ре-минорное трезвучие записывают как D_m. Буква с ноликом внизу обозначает уменьшенное трезвучие, а с плюсом вверху — увеличенное. Если к трезвучию добавляется секста, то в низу буквы пишется шестерка. Септаккорды нотируются так же, как трезвучия, с добавлением вверху цифры 7, если септаккорд малый, и +7, если септаккорд большой. При этом надо иметь в виду, что в случае аккомпанемента важна функция аккорда, а не его обращение. Иными словами, важен состав аккорда, а не порядок расположения нот.

В практике гитарного аккомпанемента получило широкое распространение такое расположение аккордов, когда аккорд берется в пределах первых четырех струн и трех ладов. Аппликатура (расположение пальцев) таких аккордов фиксируется над нотами в виде сетки, где вертикальные линии обозначают струны, а горизонтальные отсеки — лады. На тех ладах, которые нужно зажимать, ставятся точки; если на струне отсутствует точка — значит, она звучит открытой. Приведем примеры сеток для некоторых аккордов:

Задание. Нарисуйте гитарные сетки для следующих аккордов: A (ми, ля, до♯); G_m (ре, си♭, соль); E_7 (ре, соль♯, си, ми); F_7+ (ми♭, ля до♯, фа). В скобках указан состав аккорда.

ШАХМАТЫ

ИТОГИ КОНКУРСА

Подведены итоги конкурса по решению шахматных задач. Около ста человек успешно справились со всеми заданиями. Среди победителей К. Сорокин, Н. Будков, Д. Варченко и другие.

Все победители награждены почетными дипломами «Ровесника».

Приглашаем всех любителей шахмат участвовать в КОНКУРСЕ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАДАЧ-ТРЕХХОДОВОК.

Ранее не опубликованные композиции присылайте в редакцию до 15 июля 1969 года с пометкой: «Отдел шахмат». Судья конкурса — С. Гродзенский (Москва).

ОТВЕТЫ НА ШТМ ИЗ № 12 ЗА 1968 ГОД

1. Наша Таня громко плачет,
Уронила в речку мячик.
— Тише, Танечка, не плачь,
Не утонет в речке мяч.

Буква «м» заменена на «н», «р» — на «л» и наоборот; глухие согласные — на соответствующие звонкие и наоборот; «а» на «я», «о» на «ё» и т. д.

КТО ТЫ, ПРЕКРАСНАЯ МАСКА?

1. Пилот сверхзвукового самолета. 2. Хоккейный вратарь. 3. Полярник. 4. Фехтовальщик. 5. Полировщик. 6. Боксер (маска для тренировки). 7. Медицинская защитная маска. 8. Пчеловод. 9. Мотоциклист. 10. Сварщик. 11. Легкая водолазная маска. 12. Металлический водолазный шлем.

„ДЕВУШКА ИЗ ИПАНИМЫ“

Автор песни — известный бразильский композитор Антонио Карлос Джобим. Ему принадлежит песня «Тихие звезды в тихих ночах», неоднократно звучавшая на фестивалях джаза, и многие другие произведения. Творчество Джобима во многом способствовало популярности жанра «боса-нова». Перевод «Девушки из Ипанимы» сделан Марком Подберезским.

азбука красоты

Новый комплекс упражнений с тяжестями (можно взять два камня) рекомендуем выполнять на воздухе.

1. Встаньте пятками на небольшую дощечку. Поднимите камни к плечам, сделайте вдох и присядьте как можно ниже. Вернитесь в исходное положение — выдох. Выполняйте упражнение 10—12 раз.

2. Встаньте на край возвышения. Не сгибая ног, наклонитесь как можно ниже и, сделав несколько махов, вернитесь в исходное положение.

3. Возьмите на плечи палочку и, не сгибая коленей, в быстром темпе поворачивайте туловище вправо и влево. Проделайте это упражнение 15 раз в каждую сторону.

4. Сидя на возвышении, поднимите ноги вверх до прямого угла с туловищем. Подержите ноги в этом положении несколько секунд, затем опустите. Повторите упражнение без пауз 5—6 раз.

5. Лежа спиной на возвышении, свесьте голову. Опустите прямые руки с тяжестями за голову, сделайте вдох; вернитесь в исходное положение — выдох. Упражнение выполняйте ритмично, без рывков 10—15 раз.

6. Лежа на возвышении, как показано на рисунке, попеременно поднимайте ноги. Дышите равномерно.

Закончите упражнения бегом и прыжками на месте.

Какая разница между этими двумя картинками?

Главный редактор Г. А. КАШОЯН.

Редакционная коллегия: М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, И. Т. КОМОВ, Д. М. ПРОШУНИНА, А. В. ФЕДОТОВ (зам. главного редактора), А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь).

Худож. редактор О. С. Овчинникова.
Техн. редактор Г. Е. Петровская.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., д. 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21/I 1969 г. Подп. к печ. 18/II 1969 г. А01037. Формат 60×90⅛. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 500 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2828.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

СДЕЛАЙТЕ САМИ

Все, что вы видите на последней обложке номера, можно сделать самим. Нужно лишь немного фантазии.

Из мохнатых полотенец можно сшить комнатные туфли, которые легко стираются и очень удобны для пляжа, а также декоративные подушки. Их можно украсить кисточками из толстой пряжи или бахромой. Сшив полотенце по бокам и продернув шнур, вы получите изящную пляжную сумку.

Пробки, орехи, зубочистки — отличный материал для всевозможных поделок, которые могут служить украшением комнаты.

Обыкновенные катушки (3—4), склеенные клеем и раскрашенные эмалью, вполне заменят подсвечники.

Цена 20 коп.

Индекс 70781

где школьники,
ихи. Но больше

к — вокалисты

Вьетнаме, расо-
Яблочко», «Ко-
а», и песня бо-
ды, и, конечно,

они не называ-
таким образом
ны», — говорит
студент Рейн-

ительница фоль-
на гитаре. Ра-
ного училища
поэт.
Демократической
а. Наиболее из-

ЗДРАВСТВУЙ, ДЖУЛЬЕТТА!..

Газета „Унита“ (ИТАЛИЯ)

Больше 30 писем и открыток со всех концов света, адресованных Джульетте Капулетти, продолжают поступать каждый месяц в итальянский город Верону. Часто люди, в основном молодые, не задумываются, что, если бы героиня Шекспира не была вымышленной, не погибла и жила бы до сих пор, ей было бы по крайней мере 500 лет.

Все письма пересылают Этторе Солимани, 70-летнему «секретарю Джульетты». Служитель церкви, в которой установлен памятник Джульетте, Этторе обещает опубликовать переписку отдельной книгой. За последние 25 лет он получил 10 тысяч писем и на все ответил.

Журнал „Коммент“ (АНГЛИЯ)

Англичанка Дороти Нил основала общество «Кампания против обучения попугаев бранным выражениям». Общество насчитывает 220 членов и 180 попугаев.

Журнал „Уикенд“ (АНГЛИЯ)

В тот момент, когда строительство дома заканчивается, в нем поселяются духи, утверждает вдова американского миллионера Винчестера. Вот почему рабочие не уходят из ее дома, все время что-либо переделывая или достраивая. В доме Винчестер 10 тысяч окон, 2 тысячи дверей, 47 лестниц, которые никуда не ведут, кроме того, 10 тысяч буфетов и шкафов, но нет ни одного зеркала, ибо это «бесовское изобретение». Соседи прозвали дом Винчестер «музеем идиотизма».

Газета „Нью-Йорк таймс“ (США)

Житель Нью-Йорка Джошуа Ламет создал общество «Гарантию свободы золотым рыбкам». Когда остолбеневшие граждане спросили о целях его создания, Джошуа не нашел ничего лучшего, как ответить: «Вам понравится, если на вас будут глазеть так, как глазеют на золотых рыбок?»

Журнал „Эпока“ (ИТАЛИЯ)

Хозяйка книжной лавки госпожа Кайса ежедневно отправляется на свой тайный промысел. Прячет пальто в станционной камере хранения, надевает лохмотья, усаживается в вестибюле стокгольмского метро и начинает попрошайничать. После своего разоблачения госпожа Кайса заявила: «В этом нет ничего постыдного. На торговле книгами у нас не очень-то заработаешь».

Журнал „Доокола свята“ (ПОЛЬША)

Премьер Канады Пьер Трудо заве
ность тем, что во время пресс-конф
пальцы в рот и свистнул на жур
вдохновило журнал «Эсквайр» с
страницу проблеме свиста.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Журнал „Коммент“ (АНГЛИЯ)

Так, наверное, решил конгресс Соединенных Штатов Америки, отклонив законопроект о предоставлении нуждающимся школьникам бесплатных горячих завтраков. По мнению председателя Комитета по образованию и трудоустройству Карла Перкинса, это был «законопроект чрезвычайной важности». Суть его заключалась в необходимости выделить 100 миллионов долларов на бесплатные школьные завтраки для голодающих детей штатов Миссисипи, Алабама и крупных городов Севера. Американские газеты пестрят сообщениями о том, что дети в Детройте, Кливленде, Цинциннати и Бирмингеме не имеют даже 35—40 центов на завтрак. Десятки тысяч школьников ходят голодные, и учителя жалуются, что на уроках дети не могут сосредоточиться из-за постоянного чувства голода.

Многие конгрессмены считают, что лучшим выходом из положения было бы предоставление этим детям горячего завтрака. Этим можно было бы подлечить детей, пухнущих от недоедания, больных рахитом и туберкулезом. Но в богатой Америке, где на специальный корм для собак тратятся миллионы, не нашлось средств, чтобы накормить детей.

Журнал „Пари-матч“ (ФРАНЦ

В Токио 32 000 таксистов.
Масакасу Сато, прикрепил
фотографию семьи, край е
отметке 37 километров в ча
стрелка заходит за фото, я
рость!»

Газета „Морнинг стар“ (АНГЛ

Лондонскую автомобилис
Хадфильд на днях оштрафов
Маргарет — адвокат и сп
по делам шоферов — нару
уличного движения.

Журнал „Уикенд“ (АНГЛИЯ)

Шофер из Лондона Брюс
запатентовал свое изобрете
вателей у него уже немало.
бильного мотора позволяет
в пути даже жаркое.

Журнал

Англи
роман П
пешно
многосе
мами м
Польши,
лантлива
тер.

Журнал

Жан
«Учени
Перев
та изве
матурга
крестны
В 1936
никому
ем спе
Свою р
Жан М

Газета

Пятер
следят
обстоят
актер К
В ко
вый ва
Бонда.
ного п
непрони
в рамк
с ее уч

Журнал „Р
(ИСПАНИЯ)

Испания
На 32 ми
ния страны
щенников,
84 324
1606 мо
патронато
ской цер
1409 ср
которые
364 713 уч